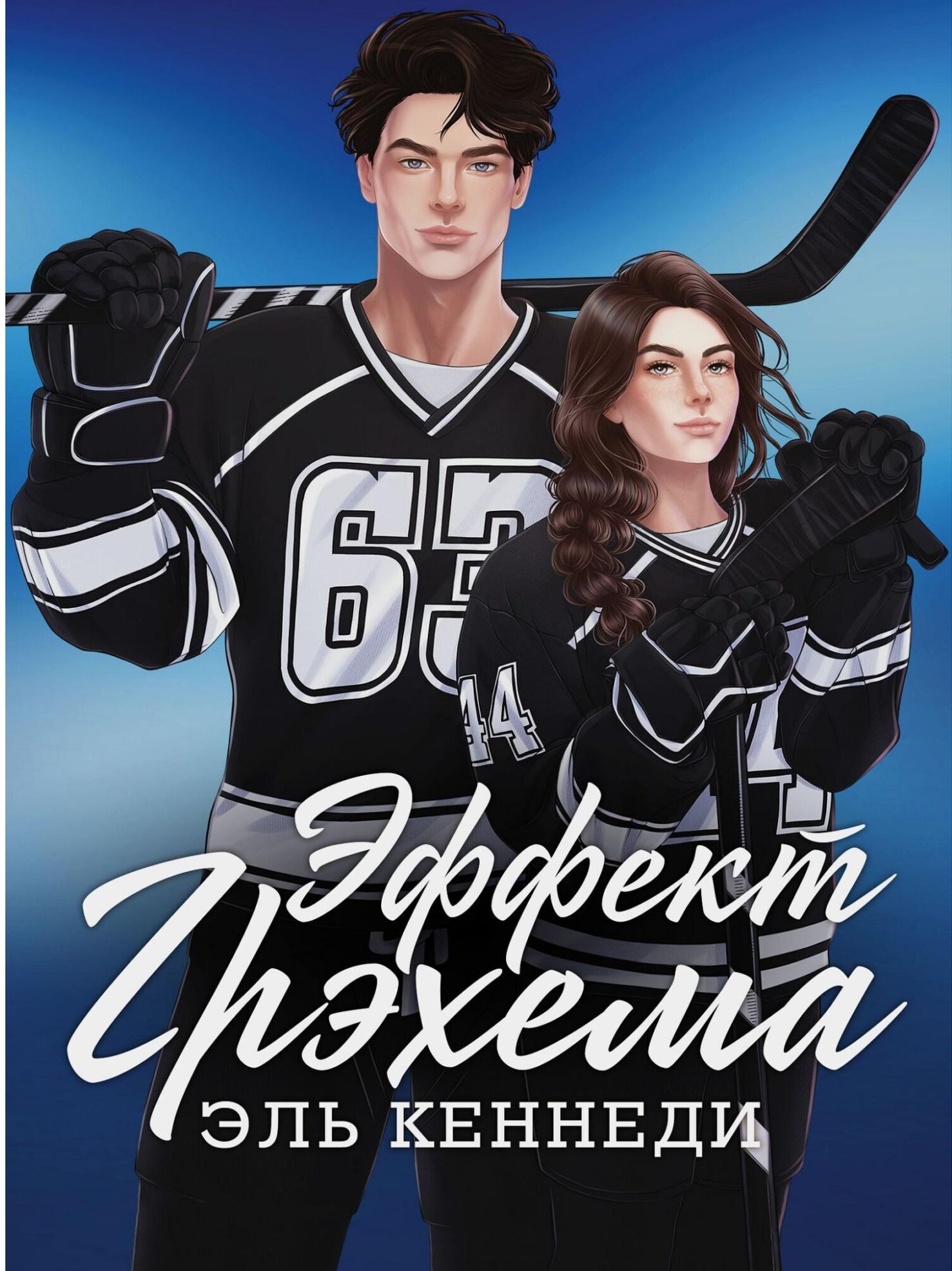

18+

Помните крутого парня из «Сделки»?
Так вот, это его дочь.

Эффект Снэхеппа

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Хиты Эль Кеннеди

Эль Кеннеди
Эффект Грэхема

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кеннеди Э.

Эффект Грэхема / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ»,
2023 — (Хиты Эль Кеннеди)

ISBN 978-5-17-161937-4

У Джиджи Грэхем три цели: попасть в женскую национальную сборную по хоккею, выиграть олимпийское золото и выйти из тени своего знаменитого отца. Пока все хорошо, за исключением двух мелочей. Точнее, только одно из этого мелочь, а вот второе— серьезное препятствие. Она должна подтянуть навыки игры за сеткой... и ей нужна помощь Люка Райдера. Райдер ростом под два метра, хорошо сложен, самоуверен, груб... и чертовски сексуален. А еще его университет слился с Брайаром, и хоккейная команда может быть только одна. Новые сокомандники ненавидят друг друга. Что еще хуже, Райдер — капитан и претендует на место тренера в лагере легендарного Гаррета Грэхема. Но при первой встрече производит на него ужасное впечатление. Очень кстати, что дочери Гаррета нужна помощь. Он потренирует ее, она замолвит за него словечко перед отцом — идеальный план. Единственная проблема? Химия между ними. Напряжение пронизывает до костей и кружит голову... Они играют в опасную игру, но, возможно, риск того стоит.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-161937-4

© Кеннеди Э., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	36
Глава пятая	44
Глава шестая	48
Глава седьмая	55
Глава восьмая	59
Глава девятая	67
Глава десятая	72
Глава одиннадцатая	78
Глава двенадцатая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эль Кеннеди Эффект Грэхема

Elle Kennedy

The Graham Effect

The moral rights of the author have been asserted.

Печатается с разрешения литературных агентств Brower Literary & Management, Inc., и Andrew Nurnberg.

© 2023. THE GRAHAM EFFECT by Elle Kennedy

© Анна Иевлева, перевод на русский язык

© Анна Зинькова, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог
Джиджи
Он знаменитость, что ли?

Шесть лет назад

Когда я была маленькой, кто-то из папиных друзей спросил меня, кем я хочу стать, когда вырасту.

Я гордо ответила: «Кубком Стэнли».

В четыре года я была уверена, что Кубок – это человек. На самом деле из того, что мне удалось понять по разговорам взрослых вокруг, складывалось впечатление, что папа был знаком с этим Кубком Стэнли (и даже несколько раз с ним пересекался), хотя такая честь выпадала только избранным. Значит, Стэнли, кем бы ни был этот великий человек, должен был являть собой ни много ни мало легенду. Чудо. Стоило стремиться к тому, чтобы приблизиться к его величию.

Мечта стать как папа – жалкий профессиональный спортсмен – быстро забылась. И мечта стать как мама тоже – подумаешь, композитор, получивший сколько-то там наград.

Я собиралась стать Кубком Стэнли и править этим гребаным миром.

Не помню, кто спустил меня с небес на землю. Вероятно, мой брат-близнец Уайатт. Ведь только он этим и занимается.

Впрочем, ущерб уже был нанесен. Уайатту в детстве повезло получить от папы нормальное прозвище – старое доброе Чемпион, – а вот меня окрестили Стэнли. Когда особенно лень произносить целиком – просто Стэн. Оно вырывается даже у мамы, которая вообще-то делает вид, что возмутительные клички, принятые среди хоккеистов, ее раздражают. На прошлой неделе за ужином она попросила Стэнли передать картошку. Предательница.

А сегодня утром список предателей в очередной раз пополнился.

– Стэн! – доносится голос с другого конца коридора. – Я собираюсь заскочить за кофе для твоего отца и других тренеров. Ты будешь?

Повернувшись, сверлю взглядом отцовского помощника.

– Ты обещал никогда меня так не называть.

У Томми хватает совести изобразить раскаяние. А в следующую секунду все милосердие отправляется коту под хвост.

– Ладно. Не убивай гонца с дурными новостями, но, наверное, пора уже принять, что эту войну тебе не выиграть. Хочешь совет?

– Нет.

– Я бы посоветовал тебе смириться с прозвищем, моя дорогая красавица.

– Ни за что, – ворчу я. – Но вот на «дорогую красавицу» согласна. Так меня и зови. Я сразу чувствую себя утонченной и могущественной.

– Как скажешь, Стэн, – смеется он, а в ответ на мою гримасу уточняет: – Так что с кофе?

– Нет, не хочу. Но спасибо.

Томми, вечный комок энергии, отправляется по своим делам. Он работает у папы личным помощником уже три года, и я ни разу не видела, чтобы он притормозил хоть на пять минут. Томми, наверное, и спит на беговой дорожке.

Я продолжаю свой путь – по коридору к женским раздевалкам. Быстро скидываю кеды и надеваю коньки. На часах половина восьмого утра, а значит, у меня масса времени на утреннюю разминку. Как только сюда заедет лагерь, начнется столпотворение. А пока весь каток в моем распоряжении. Только я и свежий слой изумительного свежего льда, еще не тронутого царпинами от коньков.

Ледовый каток как раз завершает последний круг, когда я выхожу на лед. Вдыхаю самый любимый на свете аромат – прохладно-острый воздух в сочетании с резким запахом прорезиненных полов. Металлический запах только что заточенных коньков. Дышать всем этим так приятно, что и словами не описать.

На льду я прохожу пару медленных, ленивых кругов. Я даже не состою в этом юниорском лагере, но тело никогда не дает отклониться от привычного распорядка. Сколько себя помню, я всегда рано просыпалась перед индивидуальными тренировками. Иногда устраиваю себе простые прогоны. Иногда просто скольжу по льду безо всякой цели. Во время хоккейного сезона, когда приходится посещать настоящие тренировки, я стараюсь не перетрудиться на своих одиочных прокатах, но на этой неделе я здесь не для того, чтобы играть, – только помогаю папе. Поэтому ничто не останавливает меня от спринтерского проката вдоль стены.

Качусь я жестко и быстро, проскакиваю за сеткой, резко разворачиваюсь и активно уско-ряюсь по направлению к синей линии. К тому моменту, когда замедляюсь, сердце колотится в груди так гулко, что на мгновение заглушает голос откуда-то со скамейки запасных:

– ...тут находится!

Я поворачиваюсь и вижу парня примерно моего возраста. Первым делом в глаза бросается, как сердито он на меня смотрит.

Вторым – что он просто поразительно привлекателен, несмотря на всю сердитость.

Он явно принадлежит к числу людей, которые могут недовольно кривиться без малейших эстетических последствий для симпатичной мордашки. Черт, он выглядит даже еще аппетитнее. Этакий суровый плохиш.

– Эй, ты меня вообще слышишь? – Голос у него ниже, чем я ожидала. Таким, как он, надо распевать баллады в стиле кантри на крыльце дома где-нибудь в Теннесси.

Хлопнув низенькой дверцей, незнакомец вылетает на лед, и я понимаю, что он еще и высокий, возвышается надо мной. И, кажется, я в жизни не видела глаз такого оттенка. Они голубые, но невероятно темные. Сталь и сапфиры.

– Прости, что? – Я стараюсь не пялиться. Как вообще можно быть таким привлекательным?

С его ростом черные хоккейные штаны и серое джерси сидят как влитые. Он немного долговязый, но даже в свои пятнадцать-шестнадцать явно сложен как хоккеист.

– Я сказал, что тебе нельзя тут находиться! – рявкает он.

...и мне этого достаточно, чтобы встряхнуться. Что ж, ясно. Этот парень – грубиян.

– А тебе, значит, можно? – поддразниваю я. Лагерь стартует в девять, мне это точно известно, ведь я помогала Томми копировать графики для участников – те, что войдут в приветственный пакет бумаг.

– Можно. Сегодня первый день сборов. Я пришел размяться. – Я прямо чувствую, как по мне скользит взгляд его манящих глаз, как он подмечает узкие джинсы, фиолетовый свитшот и ярко-розовые гетры и добавляет, изогнув бровь: – Ты, должно быть, дни перепутала. Лагерь по фигурному катанию на следующей неделе.

Моя очередь рассерженно коситься на него. Все, я определилась: этот парень – заносчивый придурок.

– Вообще-то я...

– Серьезно, королева выпускного¹, – перебивает он, – тебе тут совершенно незачем находиться.

– Королева выпускного? Ты себя-то в зеркале видел? – бросаю в ответ. – Это ты здесь выглядишь так, будто тебя вот-вот выберут королем выпускного. – Видимо, раздражение заразно, потому что я тоже завожусь. Не говоря уже о том, с каким самодовольством он на меня смотрит. Именно это подстегивает меня позлить его.

Он думает, мне здесь не место? И называет меня *королевой выпускного*?

Иди ты в задницу, идиот, будь так добр.

С самым невинным видом засовываю руки в задние карманы.

– Прости, но я никуда не пойду. Мне правда надо поработать над вращениями и тулупами, и, как я вижу, – картинно машу рукой в сторону огромного пустого катка, – места нам обоим хватит. А теперь, если ты не против, королеве выпускного действительно надо возвращаться к делу.

Незнакомец снова хмурится.

– Я тебя так назвал только потому, что не знаю, как тебя зовут.

– А спросить не подумал?

– Ладно, – ворчит он. – Как тебя зовут?

– Не твое дело.

Он всплескивает руками:

– Да как скажешь. Хочешь остаться? Оставайся. Давай, прыгай свои тулупы. Только не приползай ко мне потом, когда явится тренер и вышвырнет тебя отсюда.

¹ Король и королева выпускного бала выбираются в западных школах, как правило, из числа самых популярных, активных и привлекательных старшеклассников. – *Здесь и далее прим. переводчика, если не указано иное.*

С этими словами он отчаливает, уродуя мой нетронутый лед тяжелыми росчерками лезвий. Парень катается по часовой стрелке, так что я просто назло ему начинаю двигаться в другую сторону. Каждый раз, когда мы скользим друг мимо друга, он сверлит меня взглядом. Я в ответ улыбаюсь. А еще я бываю нахалкой и потому выдаю несколько волчков подряд. Присев на одну ногу, вторую вытягиваю перед собой, и она, разумеется, оказывается прямо на его пути, когда он принимается за очередной круг. Я слышу тяжелый вздох, после чего он поворачивает, чтобы не столкнуться со мной.

По правде говоря, я действительно пыталась заниматься фигурным катанием – еще в детстве. Получалось не очень, да и мне всегда было неинтересно, а потому продолжать не имело смысла, но папа настоял, предупредив, что такие занятия пойдут мне на пользу. И не ошибся. Хоккей требует физической силы, а фигурное катание – ловкости. Выучив основы, я сразу заметила, что и баланс, и скорость, и положение тела во время игры улучшились. На этих занятиях я научилась лучше скользить на ребре, а значит, стала круче кататься. И круче играть в хоккей.

– Нет, серьезно, уйди с дороги. – Парень останавливается так резко, что от коньков отскакивает ледяная стружка. – Мало того, что я застрял с тобой на одном катке, королева выпускного, так у тебя еще и ни капли уважения к личному пространству.

Я встаю с вращений и скрещиваю руки.

– Не называй меня так. Меня зовут Джиджи.

Он фыркает.

– Ну конечно. Типичное имя для фигуристки. Дай-ка угадаю. Сокращение от какого-нибудь девчачьего замысловатого имени... Джорджия. Или нет, Жизель.

– Это не сокращение, – холодно откликаюсь я.

– Серьезно? Просто Джиджи?

– Да ладно, теперь ты будешь осуждать мое имя? А что с твоим? Наверняка как у настоящего бр... Брейден, небось, или Картер?

– Райдер, – бормочет он.

– Ну конечно, – повторяю его же слова. Меня разбирает смех.

На мгновение он становится мрачнее тучи, но потом снова впадает в раздражение.

– Просто не путайся под ногами.

Как только Райдер поворачивается ко мне спиной, я ухмыляюсь и показываю ему язык. Если этот придурок собирается нарушить мою драгоценную утреннюю тренировку, я как минимум должна разозлить его до предела. Так что стараюсь мешаться как можно больше. Я ускоряюсь, прижав руки к бокам, а потом начинаю новую серию вращений.

Черт, фигурное катание здорово развлекает. Я уже и забыла.

– Ну наконец-то, сейчас тебе влетит, – слышу я ехидный голос Райдера. Ехидный и очень довольный.

Я замедляюсь, услышав громкое эхо шагов за двойными дверями в конце катка.

– Лучше проваливай отсюда, Жизель, пока не разозлила Гаррета Грэхема.

Я подъезжаю к Райдеру и прикидываюсь дурочкой.

– Что за Гаррет?

– Ты издеваешься, что ли? Ты не знаешь, кто такой Гаррет Грэхем?

– Он знаменитость, что ли?

Теперь очередь Райдера на меня пялиться.

– Да он король хоккея. Это его лагерь.

– А. Точно. Я просто только за фигуристами слежу.

Махнув хвостом, скольжу мимо него. Мне так хочется сделать еще одно движение – в основном чтобы проверить, помню ли я, чему научилась на тех занятиях.

Я набираю скорость. Нахожу баланс. У моих коньков нет зубрин на носу – в конце концов, они предназначены для хоккея, – но для этого прыжка засечки не нужны. Я выхожу на поворот, набирая скорость, а потом отталкиваюсь от катка и кручусь в воздухе.

Приземляюсь я просто отвратительно. Корпус повернут не туда, куда надо. Еще я перекрутилась, но каким-то образом умудрилась не шлепнуться лицом вниз. Грации в прыжке ни капли, и я морщусь.

– Джиджи! Что ты творишь? Лодыжку сломать хочешь?

Я поворачиваюсь к стеклянному бортику в двадцати футах, где, нахмурившись, стоит мой отец. На нем бейсболка и футболка с эмблемой лагеря, на шее – свисток, а в руке – стаканчик с кофе.

– Прости, пап, – смущенно кричу я. – Просто дурачилась.

Позади меня раздается сдавленный звук. Райдер подъезжает ко мне, голубые глаза потемнели.

Я склоняю голову и невинно улыбаюсь:

– Что?

– «Пап»? – еле слышно ворчит он. – Ты дочка Гаррета Грэхема?

Глядя на его гневное выражение лица, я просто не могу удержаться и даю волю смеху.

– Мало того, сегодня я еще буду помогать вам тренировать удар.

Райдер подозрительно шурится:

– Ты что, играешь в хоккей?

В ответ я снисходительно похлопываю его по руке.

– Не переживай, король выпускного, я сделаю тебе поблажку.

Расшифровка передачи

«Короли хоккея»

День выхода в эфир: 28.07

© The Sports Broadcast Corporation

ДЖЕЙК КОННЕЛЛИ: К слову о неумолимых катастрофах: полагаю, самое время перейти к следующему нашему сегменту. Невероятные новости поступают из мира студенческого хоккея: грядет слияние команд «Брайар» и «Иствуд». Мы тут о твоей альма матер говорим, Джи.

ГАРРЕТ ГРЭХЕМ: У меня там еще и ребенок учится. Все в семью, так сказать.

КОННЕЛЛИ: По шкале от одного до десяти, где один – катастрофа, а десять – апокалипсис, насколько все плохо?

ГРЭХЕМ: Ну, не слишком хорошо.

КОННЕЛЛИ: Я так понимаю, это еще преуменьшение.

ГРЭХЕМ: Конечно. Но давайте все проанализируем. Оставим в стороне тот факт, что нынешняя ситуация совершенно беспрецедентна. Чтобы в хоккее на льду две мужские команды первого дивизиона объединили в одну? Неслыханно. Но, по моему мнению, вполне может появиться несколько преимуществ. У Чеда Дженсена будет суперкоманда. Я хочу вот что сказать: чтобы Колсон и Райдер играли вместе? Не говоря уже о Демейне, Ларсене и Линдли? С Куртом на воротах? Они же будут непобедимы.

КОННЕЛЛИ: В теории – определенно. И я первым всегда отдаю должное тем, кто заслуживает признания. Чед Дженсен – самый выдающийся тренер в студенческом хоккее. Двенадцать «Замороженных четверок»² и семь побед за время его работы в «Брайаре». Он абсолютный рекордсмен по числу побед среди студенческих команд...

ГРЭХЕМ: Тебе свекор что, приплачивает за рекламу? Или ты этим бесплатно занимаешься, ради одобрения?

КОННЕЛЛИ: И это говорит человек, который под руководством Дженсена выиграл три из этих семи чемпионатов.

ГРЭХЕМ: Ладно-ладно, твоя правда. Мы оба предвзяты. Если серьезно, Дженсен просто волшебник, но даже ему не удастся уничтожить несколько десятилетий страшного соперничества и враждебности в отношениях между парнями. «Брайар» и «Иствуд» дрались годами. И все рассчитывают, что они внезапно станут паиньками?

КОННЕЛЛИ: Ему явно предстоит непростая работенка. Но, как ты и сказал, если они смогут сделать так, чтобы вся эта машина заработала, чтобы парни стали одной командой, то мы увидим настоящее волшебство.

ГРЭХЕМ: Либо так, либо эти ребята поубивают друг друга.

КОННЕЛЛИ: Думаю, скоро узнаем.

² Frozen Four – финал Национальной студенческой хоккейной ассоциации.

Глава первая

Джиджи

Членомагия плохиша и бабника

Человек, играющий в хоккей, – еще не хоккеист.

Человек, играющий в хоккей, заявляется на каток за час до игры, быстро натягивает коньки, отыгрывает три периода, переодевается в обычную одежду и на всех парах несется домой.

Хоккеист же живет и дышит хоккеем. Мы постоянно тренируемся. Мы посвящаем этому кучу времени. Приходим за два часа до тренировки, чтобы отточить, отшлифовать свою технику игры, стать крепче умственно, физически и морально. Мы укрепляем и закаляем тело, постоянно задирая планку. Мы посвящаем спорту жизнь. Чтобы играть в студенческой лиге, нужна фантастическая преданность делу, но мне такая задача всегда была только в радость.

До начала занятий в Университете «Брайар» остается неделя, и я возвращаюсь к привычной утренней рутине. Межсезонье хорошо тем, что позволяет мне провести побольше времени с друзьями и семьей, подольше поспать, побаловать себя вредной едой, но я всегда с нетерпением жду начала нового сезона. Без спорта мне не найти себе места.

Сегодня утром я тренируюсь на одном из двух катков творческого центра. Простое упражнение на бросок: ускоряешься на повороте и забиваешь шайбу в ворота, и, хотя я ругаю себя всякий раз, когда промахиваюсь мимо сетки, ничто не нарушает тишину арены, кроме звука шайбы, врезающейся в столб.

Так продолжается где-то час, пока я не замечаю на скамье тренера Эдли. Он машет мне, и я подъезжаю поближе. Тренировочное джерси промокло насквозь.

Он дергает уголком губ.

– Тебя здесь быть не должно.

Я снимаю перчатки.

– Кто сказал?

– Правила Национальной ассоциации студенческого спорта, пункт о тренировках в межсезонье.

В ответ я ухмыляюсь.

– Пункт об *официальных* тренировках в межсезонье, организованных тренером команды.

А я просто катаюсь в свободное время.

– Ты же знаешь, что не обязана так себя загонять, Джи.

– Ого, – насмешничаю я, – то есть ты хочешь сказать, что мне стоит играть хуже, чем позволяют способности? Ты этого хочешь?

– Нет, я хочу, чтобы у тебя остались силы на... – внезапно он осекается и усмехается. – Хотя знаешь что? Неважно. Я вечно забываю, что разговариваю с Грэхем. Ты вся в отца.

Разгоревшаяся было искра гордости слегка тухнет. Не то чтобы мне обидно, разве что капельку. Когда у тебя знаменитые родители, долго приходится находиться в их тени.

Еще только начиная играть, я знала, что меня вечно будут сравнивать с отцом. Папа – живая легенда, иначе не скажешь. Он поставил столько рекордов, что всех и не запомнишь. Он до сорока лет занимался профессиональным спортом. И даже в сорок умудрился в последнем своем сезоне всем надрать задницы. Он мог бы еще год-другой поиграть, но папа умен. Он ушел на пике карьеры. Прямо как Гретцки³, с которым его постоянно сравнивают.

Надо что-то делать с этой детской обидой, это я понимаю. Все хотят, чтобы их сравнивали разве что с величайшими спортсменами всех времен. Может, меня просто задевают все эти женоненавистнические фразочки, которые уже сколько лет сопровождают каждый полученный комплимент.

Она и правда хорошо играла... для девчонки.

У нее впечатляющая статистика... для женщины.

Хоккеисту никто не скажет, что он просто прекрасно играет – для мужчины.

Правда в том, что мужской и женский хоккей – вещи совершенно разные. У женщин меньше возможностей продолжить играть после колледжа, профессиональную лигу меньше обозревают, а зарплаты существенно ниже. Я все понимаю: одна игра НХЛ, наверное, привлекает в сто тысяч миллиардов больше зрителей, чем все женские игры, вместе взятые. Мужчины заслуживают каждого выплаченного им цента и каждой предоставленной возможности.

Но все это значит, что я должна обратить себе на пользу любую возможность, которая дается мне как хоккеистке.

К чему я веду? Речь об Олимпиаде, конечно.

С шести лет моей целью было попасть в сборную США и выиграть олимпийское золото. И с тех пор я работаю над ее достижением.

Тренер открывает мне ворота к скамейке.

– Твой папа в этом году снова приедет гонять свой лагерь?

³ Уэйн Гретцки – канадский хоккеист, один из самых известных спортсменов XX века. установил 61 рекорд и неоднократно завоевывал индивидуальные призы Национальной хоккейной лиги.

– Ага, где-то на этой неделе. Ему сначала надо прийти в себя. Мы только на прошлой неделе вернулись из ежегодной поездки на Тахо.

Каждый год наша семья проводит август на озере Тахо вместе с близкими друзьями и родными. Там все лето от посетителей отбоя нет.

– В этом году явилось несколько человек из бывших папиных сокомандников по «Бостону»... и, скажем так, каждое утро у нас на пристани валялось в отключке немало мужиков с похмельем, – ухмыляюсь я.

– Помоги боже несчастному озеру.

Эдли прекрасно знает, на что способны папа с его парнями. Он был помощником тренера в «Брюинз», когда отец играл за них. Вообще-то именно папа уговорил Тома Эдли возглавить женскую хоккейную программу в Брайаре.

Как бы ни желала я выбраться из отцовской тени, его имя значится прямо над входом в здание. Центр Грэхема. Благодаря его пожертвованиям программу для девушек лет десять назад полностью переработали. Новая инфраструктура, новые тренеры, новые агенты, прочесывающие старшие школы в поисках талантов. Пока папа не вдохнул в программу новую жизнь, она была бледной тенью мужской программы. По его словам, он хотел, чтобы меня ждала крепкая база, если я решу поступить в Брайар, когда стану постарше.

Если.

Ха.

Как будто я бы стала поступать куда-то еще.

– А ты что тут сегодня делаешь? – спрашиваю я тренера, пока мы идем по проходу.

– Дженсен попросил помочь ему с тренировочным лагерем.

– Вот черт, он что, сегодня стартует?

– Да, и окажи мне услугу: скажи девчонкам держать себя в руках. Это закрытая тренировка. Если Дженсен кого-нибудь из вас увидит, я буду делать вид, что не в курсе происходящего.

– Что ты имеешь в виду? Девчонки...

Но тренер уже исчезает за углом и устремляется к своему кабинету.

Ответ на вопрос я получаю, переступив порог раздевалки. Там уже сидит парочка из моей команды.

– Эй, Джи, ты останешься посмотреть на этот бардак? – ухмыляется Уитни Кормак, наша капитан, примостившись на углу скамейки.

– О да! Такое я не пропущу. Только Эдли велел держаться тише воды, а то Дженсен сорвется.

Камила Мартинес, третьекурсница, как и я, громко фыркает.

– Думаю, Дженсену будет не до того. Ему придется усмирять свирепых питбулей на льду, на трибунах он нас и не заметит.

Я вытаскиваю из шкафчика полотенце и косметичку.

– Дайте я только душ приму, а потом вас догоню.

Девчонок я оставляю в раздевалке, а сама ныряю под душ. Склонив голову под струями теплой воды, гадаю, как вообще мужская команда переживет слияние «Брайара» с «Иствудом». Это не просто колоссальный сдвиг в программе, это землетрясение, а произошло все так быстро, что никто из игроков и подготовиться не успел.

Иствуд был нашим соперником десятки лет. А в прошлом году все развалилось. Университет просто взял и закрылся. Как оказалось, наборы шли из остатков, и, в сущности, на плаву его держало только несколько спортивных программ, в том числе мужской хоккей. Всем было ясно, что, как только двери Иствуда закроются, все эти спортсмены окажутся в полной заднице. Тут-то в них и вцепился Брайар, так сказать, спас положение и отхватил себе таланты. Так что теперь «Иствуд» – часть «Брайара», и такая ситуация повлечет немало изменений.

Кампус Иствуда в Нью-Гэмпшире, чуть к северу от Бостона (на машине до него час езды), официально переименовали в кампус Иствуда при Университете «Брайар». Там по-прежнему по полной программе идут занятия, но все здания, предназначенные для занятий спортом, закрылись – им найдут другое применение.

А теперь самое важное: мужскую хоккейную команду Иствуда поглотила команда Брайара.

Теперь перед тренером Чадом Дженсеном стоит весьма незавидная задача – взять два огромных состава и сжать в один. Многие парни из обеих колледжей, которые только начали играть, лишатся места.

Не говоря уже о том, что они люто ненавидят друг друга.

Ни за что не пропущу такое представление.

Я выхожу из душа, натягиваю потертые джинсы и майку. Волосы стягиваю в хвост, на лицо наношу увлажняющий крем (из-за воздуха на катке у меня вечно сохнет кожа).

Сокомандницы уже ждут меня на трибунах. Они поступили умно и решили сесть чуть левее и чуть выше скамейки штрафников. Достаточно близко, чтобы слышать все перепалки, но достаточно незаметно, чтобы по возможности остаться вне поля зрения тренера Дженсена.

Уитни пододвигается, чтобы я могла сесть рядом с ней.

Приглушенные голоса этих детей-переростков, называющих себя мужчинами, прямо-таки разжигают любопытство.

Сидящая передо мной Камила потирает руки и смотрит на лед с нескрываемым восторгом.

– Началось!

Они выходят группами по двое – по трое. Пара второкурсников тут, несколько старшекурсников там. Все либо в черных, либо в серых тренировочных джерси. Я замечаю, что некоторые парни неловко тянут рукава, морщатся, будто им физически неприятно носить цвета «Брайара».

– Я даже немного сочувствую этим ребятам из Иствуда, – признаюсь я.

– А я вот – ни капельки, – откликается Камила, широко улыбаясь. – Благодаря им у нас будет развлечение как минимум на год.

Мой взгляд скользит по льду. Еще не все надели шлемы, и я тут же подмечаю знакомое лицо. При виде него сердце у меня начинает биться чаще.

– Кейс хорошо выглядит, – знающим тоном произносит Уитни. Это просто уничижительно.

– Ага, – отвечаю я ей безо всякого выражения. Вот почему вся эта ситуация так оскорбительна. Мой бывший парень до безумия красив. Высокий, светловолосый, со светло-голубыми глазами. Когда он пытается кого-то очаровать, глаза теплеют и напоминают летнее небо.

Сейчас он болтает со своим другом Джорданом Трагером. Меня он пока не заметил, чему я очень рада. Последний раз мы виделись в июне, хотя с тех пор несколько раз переписывались. Он хотел со мной встретиться. Я сказала «нет». Рядом с Кейсом я себе не доверяю. Уже только то, что при виде его у меня заходится сердце, как у какой-то наивной идиотки, говорит, что я правильно поступила, отказав ему летом.

– О боже, я влюбилась.

Камила отвлекает меня от Кейса, и я замечаю еще одного хоккеиста.

Ого! Ладно, согласна. Парень просто отпад. Светло-каштановые волосы, светло-серые глаза, а черты лица такие, что при взгляде на него, наверное, водители на улице резко нажимают на тормоз – посмотреть подольше. Он наверняка из Иствуда, потому что раньше я его не видела.

Камила разве что слюнки не пускает.

– Меня ни разу в жизни так не заводил мужской профиль.

Парни меж тем продолжают разогреваться: нарезают круги неподалеку от бортика с клюшками в руках. Я рассматриваю всех, но пока никого не узнаю.

Камила склоняется вперед, высматривая кого-то на катке.

– А кто из них Люк Райдер? – с любопытством спрашивает она. – Я слышала, что Дженсен даже не хотел его брать.

– Ага, ну конечно, он совсем не хотел заполучить нападающего номер один в стране, – сухо откликается Уитни. – Сильно в этом сомневаюсь.

– Слушай, у этого парня такая репутация, что я не стала бы винить Дженсена, реши он не портить программу, – возражает Ками.

В ее словах есть доля правды. Все мы видели, что произошло пару лет назад на молодежном чемпионате⁴, где Люк Райдер столкнулся в раздевалке с сокомандником после того, как ребята завоевали для США золото. Райдер сломал парню челюсть, и тот попал в больницу. Все случившееся активно пытались замять (по крайней мере, о причинах никто ничего не знал). Точно сказать, кто начал драку, тоже до сих пор не смогли, но учитывая, что пострадал второй игрок, судя по всему, Райдер хотел свести счеты.

До меня доходили слухи, что с тех пор он держится от неприятностей подальше, но так уж повелось: один раз кого-нибудь побьешь, и эта история вечно будет тебя преследовать. Это пятно на репутации, и неважно, какая там у тебя статистика.

– Вон он, – указываю я на лед.

Люк Райдер подъезжает к блондину, на которого Ками до сих пор восторженно пялится, а следом за ним – еще один игрок с короткими темными волосами. Успеваю только мельком отметить точеную челюсть Райдера, когда он натягивает шлем и отворачивается.

Он все такой же привлекательный, каким я его помню. Вот только из долговязого пятнадцатилетнего мальчишки Райдер превратился во взрослого мужчину – крепкого и мускулистого. Мощь от него так и исходит.

Я не виделась с ним с того достопамятного дня в молодежном лагере несколько лет назад. Меня до сих пор передергивает, как вспомню его пренебрежительное отношение. Сказал, что мне не место на льду. Решил, что я каким-то там фигурным катанием занимаюсь. Да еще и назвал королевой выпускного. Вот наглец. Забавно было стереть самодовольную ухмылку с его лица: мы тренировались в тот день «двое на одного», и по количеству голов я обогнала и его, и второго парня. Да, такие жалкие мелочи приносят мне радость.

– Черт, до чего сексуальный, – выпаливает Уитни.

– Это все членомегия плохиша и бабника, – вклинивается Ками. – Они от этого кажутся только лучше.

Мы все невольно хихикаем.

– А он плохиш и бабник? – уточняет Уитни.

Ками в ответ смеется.

– Ну, насчет плохиша тут все и так очевидно. Только посмотри на него. Но да, он с кем только не мутил, репутация у него еще та. Только он никого не кадрит в привычном смысле.

Я тыкаю ее в спину и ухмыляюсь.

– Это еще что значит? Он кадрит в каком-то непривычном стиле или как?

– Это значит, что он совершенно не старается никого затащить в койку. Ни за кем не гоняется, не флиртует направо и налево, как другие игроки. Моя кузина видела его на вечеринке в прошлом году, так, по ее словам, этот парень весь вечер просто стоял в углу, надувшись. За все время ни слова никому не сказал, и тем не менее толпы озабоченных девиц ему прямо на шею вешались. Так что у парня явно есть выбор.

⁴ Имеется в виду чемпионат мира по хоккею с шайбой среди молодежи.

Наш разговор прерывает пронзительный свист. Мы все как одна вытягиваемся в струнку... потому что инстинкты ничем не перешибешь. А мы ведь даже не на своей тренировке.

Тренер Дженсен выходит на лед в сопровождении двух помощников и Тома Эдли. Снова дует в свисток. Два раза – коротко.

– Построились! Две линии посреди катка! – Голос его так и разносится по огромной арене.

Хоккеисты резко натягивают шлемы и маски, поправляют краги⁵, выстраиваясь, как велено. На льду куда меньше ребят, чем я ожидала.

– Мне казалось, в команде Иствуда человек тридцать, разве нет? – поворачиваюсь я к Уитни.

Она кивает.

– Я слышала, он разбил тренировочный лагерь на две группы, пока они практикуются. Это, наверное, только первая.

Я криво улыбаюсь, заметив, как выстраивается команда. Парни из «Брайара» стоят плечом к плечу. Парни из «Иствуда» – точно так же. Райдер зажат между двумя приятелями, челюсть напряжена.

– Отлично, – рывкает Дженсен и хлопает в ладоши. – Не будем терять время. Нам надо многое сделать на этой неделе, чтобы составить окончательный список команды. Сначала попрактикуем тактику «бросай – беги». Немножко выпустим пар, идет?

Остальные тренеры начинают загонять всех на позиции за одной из сеток. Из-за того, как они построились в самом начале, большинству пришлось разбиться на пары, где один игрок из «Брайара», а второй – из «Иствуда».

Сейчас начнется настоящее веселье.

– От того, кто первым завладеет шайбой, я жду не просто удара, а гола. От второго хочу увидеть, как вы проводите форчекинг⁶, чтобы заполучить шайбу себе.

Снова звучит свисток, и на льду начинается движение. Упражнение простейшее, и все же меня всякий раз охватывает восторг. Обожаю эту игру. Все, что связано с хоккеем, буквально приводит меня в экстаз.

Дженсен бросает шайбу в углу за противоположными воротами, и первая пара игроков устремляется к ней вдоль бортиков. У них на джерси нет ни имен, ни номеров, так что я даже не знаю, за кем наблюдаю.

А вот во второй паре я сразу подмечаю Кейса. Не по тому, как он выглядит, а потому, что у него есть особая, можно сказать, фирменная манера скольжения, стремительный рывок вперед. У Кейса Колсона самый точный бросок во всем студенческом хоккее. Он, наверное, смог бы обставить и большинство парней из НХЛ. Неспроста его выбрали играть за «Тампу»⁷.

– Тут гораздо скучнее, чем я думала, – ворчит Уитни. – Что, ничего такого не будет?

– Seriously, – встревает Камила. – Давайте уже свалим отс...

Не успевает она договорить, как наконец напряжение перерастает во взрыв.

Начинается все с жесткого форчека от Джордана Трагера. Я видела достаточно игр «Брайара», чтобы узнать Трагера, как и Кейса, правда, в его случае – по агрессивной манере. Он настоящий сноб, причем во всем. А еще он колоссальный мудака, так что, когда второй игрок начинает так же агрессивно ему отвечать, я понимаю, что Трагер, как обычно, начал трепаться на льду.

⁵ Хоккейные перчатки.

⁶ Тактика, в которой команда или игрок проводит активный прессинг в зоне противника с целью отобрать у него шайбу.

⁷ «Тампа-Бэй Лайтнинг» – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в НХЛ. Трехкратный обладатель Кубка Стэнли.

Не успеваю я глазом моргнуть, как краги летят на лед и начинается драка.

Вообще-то в студенческом хоккее драки запрещены. Обоих тупиц попросту вышвырнули бы с матча и посадили на скамейку штрафников на следующем. На тренировке такое обычно тоже порицается – можно и выговор получить.

Но сегодня?

Дженсен спокойно наблюдает за происходящим.

– Черт, – шипит Уитни сквозь зубы, когда игрок из «Иствуда» с силой замахивается на Трагера и врзает ему кулаком прямо по левой щеке.

Гневный вопль Трагера эхом разлетается по всему катку. А мгновение спустя эти двое сталкиваются, хватают друг друга за грудки и начинают орудовать кулаками. Сокомандники, оказавшиеся поближе к дерущимся, еще и подначивают их поистине животными криками.

Когда же оба игрока клубком валятся на лед, да так, что не различить, где чьи ноги и коньки, Ками испуганно вскрикивает.

– Почему Дженсен не вмешивается? – восклицает она.

Чад Дженсен стоит в десяти футах и всем своим видом выдает скуку. Вокруг – хаос. Парни из «Брайара» раззадоривают Трагера. Игроки из «Иствуда» улюлюкают в поддержку своего. Я замечаю, что Кейс уже направляется к драчунам, чтобы вмешаться, но останавливается – Дэвид Демейн, капитан «Брайара», шлепает его по руке.

– Прости господи, и ДеДе тоже ничего не делает, – пораженно шепчет Камила.

Согласна: поразительный случай. Такого добродушного парня, как Демейн, еще поискать. Наверное, все потому, что он канадец.

Никто не вмешивается, пока лед не окрашивают первые алые капли.

Я не верю своим глазам, потому что к ним несется Райдер. Его высоченная фигура в один миг пересекает лед, и не успеваем мы перевести дыхание, как он оттаскивает своего сокомандника по «Иствуду» от Трагера.

Когда же Трагер встает и пытается снова ринуться в бой, Райдер встает между двумя раскрасневшимися игроками. Не знаю, что такого он говорит Трагеру, но тот замирает как вкопанный.

– Божечки, да он просто огонь, – с придыханием произносит Уитни.

– Потому что остановил драку? – с иронией уточняю я.

– Нет же, потому что умудрился заткнуть Трагера. У нас на глазах произошло гребаное чудо.

– Ничего сексуальнее никто еще не делал, – поддакивает Ками, и мы все смеемся.

Трагер – горластый грубиян и настоящий мудака. Я терпела его, когда встречалась с Кейсом, но случались дни, когда даже терпеть было трудновато. Полагаю, одним из самых положительных моментов после разрыва стало то, что отныне в моей жизни не будет никакого Трагера.

Дженсен дует в свисток, а потом наконец по катку разлетается его командирский голос:

– Тренировка окончена. Убирайтесь с моего льда на хрен.

– И нам тоже пора валить, – срочно объявляет Уитни, и я с ней совершенно согласна. Дженсен, должно быть, знает, что мы здесь, но если до этого он нас не вышвырнул, то теперь мы оказались свидетелями превращения его тренировки в кровавую бойню. Ему предстоит расхлебывать последствия, и вот тут публика явно не нужна.

Без единого слова мы втроем торопливо спускаемся по проходу. У подножья трибун приходится решить, как быть дальше – пойти к раздевалкам, куда, поджав хвост, сбежали игроки, или попробовать выйти через двойные двери в другом конце катка, где в данный момент находятся Дженсен и остальные тренеры.

Попасть под горячую руку Дженсену не хочется, так что мы негласно решаем не рисковать и добираемся до перехода одновременно с парочкой игроков «Иствуда».

Люк Райдер, заметив меня, пару секунд кажется совершенно пораженным, но потом прищуривается (а глаза у него все такие же темные, темно-голубые, я их так и не забыла!) и улыбается уголком губ.

– Жизель, – насмешливо приветствует он.

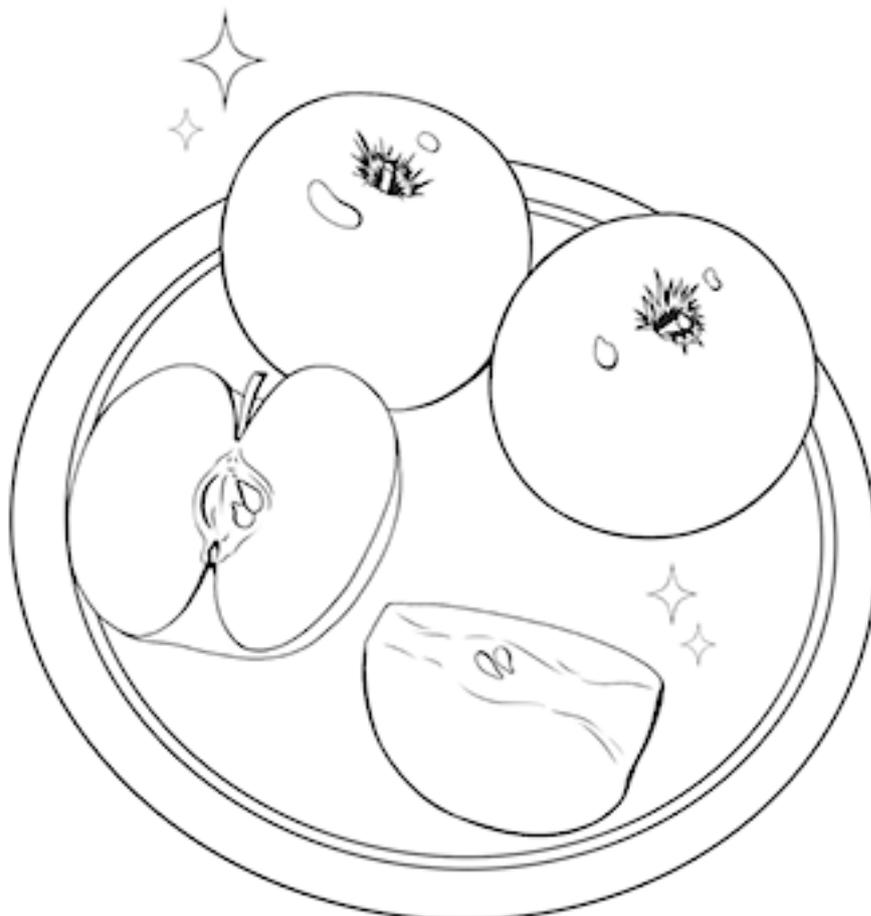
– Король выпускного, – в тон откликаюсь я.

Негромко усмехнувшись, он достаивает меня еще одним взглядом и широкими шагами уходит прочь.

Глава вторая

Райдер

Никаких питомцев. Никогда

Рискну предположить, что первое впечатление мы произвели не самое лучшее.

Может, я, конечно, ошибаюсь. Может, Чад Дженсен получает удовольствие от тренировок, полных крови и кишок. Может, он из тех, кому нравится чувствовать себя на льду таким повелителем мух и отделять мужчин от мальчишек.

Вот только глаза у него так горели, будто он готов был всех нас убить, так что, думаю, происходящее ему пришлось не по вкусу.

Теперь, пока мы торопливо ищем места в медиазале, выражение его лица становится все более непонятным, все более нетерпеливым. Дженсен дал нам на переодевание всего пять минут, так что ребята по-прежнему выглядят измученными и взъерошенными, заправляют футболки в брюки и безуспешно пытаются пригладить волосы.

В помещении в два раза больше парней, чем было на льду. Здесь уже собралась вторая тренировочная группа – до нашего прихода они с одним из помощников тренера смотрели запись какой-то игры. Все они настороженно наблюдают за входящими хоккеистами.

Три ряда кресел расположены напротив огромного экрана, занимающего главное место в комнате. Не буду врать: подобные штуки здесь намного круче, чем в Иствуде. Мало того что стулья мягкие, они еще и крутятся.

Тренер Дженсен стоит посреди комнаты, а трое помощников с каменными лицами подпирают стену у двери.

– Ну как, выпустили пар? – холодно спрашивает он. Никто не смеет сказать и слова в ответ.

Боковым зрением вижу, как Рэнд Хоули потирает челюсть. Шестерка Колсона отвесил ему неслабый удар. Тем не менее Хоули прекрасно известно, что нельзя идти на поводу у Трагера. Последние пару лет, играя против «Брайара», я познакомился со всеми в их команде. Знаю статистику большинства, знаю, кого стоит остерегаться. Трагер всегда был таким – за ним нужен глаз да глаз. У него репутация буйного громилы, и он как никто другой зарабатывает пенальти.

Впрочем, для меня он не главный конкурент. Этот титул принадлежит... украдкой высматриваю светловолосого третьекурсника в первом ряду.

Вот он. Кейс Колсон.

Серьезно, из всех парней в этой комнате беспокоиться мне надо только о нем. Он шикарный хоккеист и основной игрок «Брайара», а значит, явно окажется на первой линии.

На моей линии.

Ну, если, конечно, Дженсен не решит меня поиметь и поставить во вторую линию.

Не знаю даже, что хуже. Не играть в первой линии... или играть в той же, что и Колсон. От меня ждут, что я ни с того ни с сего начну доверять игроку «Брайара». Думают, он меня подстрахует, если что? Как бы не так.

– Уверены, что все хорошо? – уточняет тренер, поглядывая по сторонам. – Больше никто не хочет вытащить член и помериться размером? Ну, помахать и посмотреть, кто тут настоящий мужик, а кто нет?

Снова тишина.

Дженсен скрещивает руки на груди. Он высокий, представительный, с темными глазами и волосами с проседью, но по-прежнему широкоплечий и в отличной форме, учитывая, что ему, должно быть, за шестьдесят. Выглядит он на десять лет младше.

Этот человек однозначно лучший тренер в студенческом хоккее. Наверное, поэтому до сих пор так горько вспоминать, что, когда я захотел поступать в Брайар, он мне отказал.

Я отбивался от рекрутеров с десятого класса, даже от тех, кто представлял Брайар – колледж, куда я хотел поступать. А потом подкрался выпускной, и, когда пришла пора решать, Брайар мне стипендию не предложил. До сих пор помню то утро, когда я, проглотив гордость, позвонил и попросил связать меня с Дженсеном. Черт, я бы даже поехал из Финикса в Бостон, чтобы поговорить с ним лично, но по телефону он четко дал понять, что, «подумав хорошенько», решил, что я не подхожу для их программы.

Ну, ему же хуже, верно?

Мало того что я теперь здесь, так я еще и лучший игрок во всей комнате. Меня с первого раза выбрали в драфте, черт побери.

– Хорошо. Теперь, когда вы закончили мериться членами, дайте-ка я вам кое-что объясню. Еще раз не проявите уважение на моем катке во время тренировки – и никогда не будете представлять этот колледж в составе хоккейной команды.

Рэнд, у которого нет ни словесного фильтра, ни представления о том, как читать между строк, решает, что надо бы оправдаться.

– При всем уважении, тренер, – мрачно замечает он. – «Иствуд» это дерьмо не начинал. Это вина «Брайара».

– Вы и есть «Брайар»! – ворчит Дженсен. Мои сокомандники тут же затыкаются. – Вы никак не поймете, что играете теперь в одной команде. Нет больше «Иствуда». Вы все – члены мужской хоккейной команды «Брайар».

Кое-кто из парней принимается ерзать на своих местах: им явно неловко.

– Слушайте, ситуация не идеальная, ясно? Слияние произошло в последний момент. У вас было недостаточно времени, чтобы перевестись в другие колледжи или найти себе место в других программах. Вас поймали, – просто заключает он.

На мгновение его взгляд останавливается на мне, после чего он снова принимается оглядывать собравшихся.

– И я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы вы попали в другую команду, если не войдете в эту.

А вот это поразительно щедрое предложение. У Дженсена репутация бесчувственного сухаря, но, может, есть и другая сторона.

– Тем не менее, – грубым тоном продолжает он, – факт остается фактом: у меня тут почти шестьдесят парней, а в финальный состав войдет меньше половины. Цифры невеселые. Многие из вас в команду не попадут.

Воцарившаяся тишина оглушает. Слышать, как он вот так запросто об этом говорит, неприятно. Даже мне. Я совершенно уверен, что Дженсен не сможет выкинуть меня из команды, но на душе все-таки становится тревожно.

– Неделя будет спланирована следующим образом. Поскольку нас всех тут обломали, мы получили от Национальной студенческой ассоциации спорта разрешение провести недельный тренировочный лагерь и разобраться, что у нас с количеством игроков. К концу недели я опубликую итоговый список, а также список тех, кто стартует уже в первой игре. Потом мы с тренером Мараном и тренером Перетти сядем и разберемся окончательно, что там с линиями. Пока есть вопросы?

Ни одной поднятой руки.

– И все же я попрошу вас выдвинуть двух исполняющих обязанности капитанов на время тренировочного лагеря. Потом, когда мы определимся с составом, вы сможете либо переголосовать, либо остаться с теми, кого сегодня выберете.

Двух?

Поднимаю голову от удивления. Смотрю на Шейна Линдли, моего сокомандника и лучшего друга. Он тоже кажется заинтригованным, темные глаза сверкают. Формально «Иствуд» на момент слияния остался без капитана. Наш сбежал сразу после объявления и перевелся в Куиннипэк⁸. Он был явно не из тех, кто идет на дно вместе с кораблем. Команду Брайара сейчас возглавляет Дэвид Демейн из французской части Канады.

– Я считаю, ради духа командного единства оптимальным решением будет выбор двух капитанов. Я хочу, чтобы вы, ребята, выбрали по одному игроку из нынешнего состава «Брайара» и «Иствуда».

– Вы же вроде сказали, что мы одна команда, – саркастично бормочет кто-то на заднем ряду.

Вот только слух у тренера острее некуда.

– Так и есть, – рывкает он на ворчуна. – Но я не вчера родился и знаю: от того, что я говорю, слова мои правдой не становятся. Я вам не сраная фея-крестная, которая может взмахнуть палочкой, и все в жизни станет идеально, ясно? Думаю, лучше всего сократить этот разрыв за счет двух капитанов, по крайней мере на эту неделю. Пусть они работают сообща, чтобы всем напомнить, что мы одна команда...

– Я выдвигаю Колсона, – перебивает Трагер. Губа у него распухла, а тон обманчиво-равнодушный. Дженсен, недовольный тем, что его перебили, поджимает губы.

– Я выдвигаю Райдера, – кричит мой сокомандник Наззи, и я подавляю вздох.

Ясенько, начало не задалось.

⁸ Частный университет, расположенный в Хамдене и Северном Хейвене.

Всем понятно, что тут происходит. Они выбрали на роль капитанов двух лучших игроков. Вот только не факт, что именно эти двое *должны* стать капитанами. Во-первых, мы оба – молодые спортсмены. Большинство старшекурсников в этой комнате, вероятно, заслужили звание куда больше.

А во-вторых, я не гожусь в чертовы капитаны. Они с ума сошли, что ли? Я не создан для лидерства, с моим-то характером. Я тут не для того, чтобы всех держать за ручку и рассказывать, как люблю их.

Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, черт побери.

Кейса Колсона этот фарс, судя по всему, раздражает не меньше моего. Вот только, посмотрев по сторонам, я вижу у всех на лицах сплошное упрямство. У моих товарищей по «Иствуду» глаза горят так, будто они собрались воевать, и некоторые решительно кивают головой. Игроки «Брайара» настроены аналогично.

Тренер видит в их лицах то же, что я. Отныне линия фронта проведена.

Он шумно выдыхает.

– Так, значит, вот как? Хотите Колсона и Райдера?

По комнате прокатывается хор согласия. Это заявление, самое настоящее. Каждая сторона хочет дать другой понять, что главный тут – их игрок, их суперзвезда.

– Гребаный ад, – едва слышно бормочу я.

Шейн хмыкает. С другой стороны от меня фыркает Беккетт Данн. Хотел бы я сказать, что мои лучшие друзья напоминают ангела и демона, – знаете, когда один вечно ведет себя как говнюк, а второй нашептывает, что надо быть добрее и сострадательнее к людям. *Хотел бы я так сказать.*

На деле оба – настоящие задницы, которых мои страдания только веселят.

– Райдер, тебя все устраивает? – Дженсен сверлит меня взглядом. Нет, меня все это совершенно не устраивает.

– Да, конечно, – вру я. – Все отлично.

– Колсон? – спрашивает Дженсен.

Кейс оглядывается на капитана прошлого сезона. Демейн коротко кивает.

– Ну, раз так хочет команда, – сдается Колсон.

– Хорошо, – Дженсен подходит к кафедре, берет блокнот и принимается что-то в нем царапать.

Помоги мне, Господи.

Впрочем, хоть мне и навязали титул, которого я совершенно не желал, одного отрицать не могу: зная, что Дженсен не попытается на сей раз от меня избавиться, я вздыхаю с облегчением.

– Ладно, теперь, раз все решено, давайте пробежимся еще по некоторым моментам, которые всем надо знать к началу тренировочного лагеря. Первое. Видели, что сейчас случилось в первой группе? Так вот, это, на хрен, неприемлемо. Слышали? – Дженсен пялится прямо на Джордана Трагера и Рэнда Хоули. Потом хмурится, потому что ни один не выказывает ни капли раскаяния. Одно только раздражение. – В этом университете драться не принято, – продолжает он. – В следующий раз вяжетесь в потасовку на свой страх и риск.

После чего он поворачивается к доске и пишет всего два слова:

Никаких драк

– Второй, очень важный момент, так что, надеюсь, вы внимательно меня слушаете, засранцы. Я не собираюсь фильтровать ради вас свою речь. Если ваша тонкая душевная организация не выдерживает пару крепких словечек, в хоккее вам делать нечего.

Он снова принимается писать.

Идите на хрен

Шейн тихо давится от смеха.

– Третье. Каждый или почти каждый год у какого-нибудь тупицы появляется бредовая идея, что команде нужен питомец. Живой талисман – коза, или свинья, или еще какая богом забытая тварь с фермы. Я подобного больше не потерплю. Даже не начинайте – все просьбы будут отклоняться. В прошлом уже было печальное происшествие, и ни я, ни университет не желаем повторения. Мы двадцать лет жили без питомцев, так тому и быть на веки вечные. Понятно?

Когда никто не отвечает, он рывкает снова:

– Понятно?

– Да, сэр, – хором отвечаем мы.

Он поворачивается к доске.

Никаких питомцев. Никогда.

– Как думаешь, что за печальное происшествие? – шепчет Беккетт, наклонившись к самому моему уху.

Пожимаю плечами. Кто ж его знает.

– Может, это был цыпленок, и они его случайно съели, – принимается гадать Шейн. Бек белеет как полотно. – Жуть какая!

– Ладно, на этом все. – Дженсен хлопает в ладоши. – Первая группа, вы облажались, так что можете идти по домам. Увидимся завтра в девять утра. Вторая группа, встречаемся на льду через пятнадцать минут.

Комната оживает: все встают и начинают пробираться к выходу. Я не успеваю дойти до дверей, как слышу крик Дженсена:

– Райдер!

Оглядываюсь через плечо.

– Сэр?

– Задержись на минутку.

Беспокойно сглотнув, подхожу ближе.

– Что не так, тренер?

Мгновение он молчит, изучает меня. Это здорово нервирует, и стоять не ерзая в этот момент нелегко. Люди редко меня пугают, но в этом мужике есть что-то, и у меня от страха аж ладони потеют. Может, потому что я знаю, что он никогда не хотел меня видеть в этом колледже.

И до чего же это *бесит*.

– Назначение капитаном не станет проблемой? – спрашивает он наконец.

Я пожимаю плечами.

– Видимо, скоро узнаем.

– Сынок, я не такой ответ хочу услышать. Это не станет проблемой?

– Нет, сэр, – покорно отвечаю я. – Проблем не будет.

– Хорошо. Потому что мне не нужна война внутри команды. Ты должен взять дело в свои руки как лидер, понимаешь?

На секунду выдержка меня покидает.

– Кейсу вы то же самое скажете?

– Нет, потому что ему и говорить ничего не надо.

– А мне надо? Вы же меня даже не знаете.

Черт, да заткнись уже, – мысленно отчитываю я самого себя. Споры с новым тренером ни к чему хорошему не приведут.

– Я знаю, что командное единство не самая сильная твоя сторона. Знаю, что от природы ты не лидер. И мы оба знаем, что бывшие сокомандники выбрали тебя за твои технические навыки, а не за умение руководить, и их решение, скорее всего, приведет к катастрофе. Тем

не менее не в моих привычках вмешиваться в дела команды, когда она выбирает капитана, и сейчас я вмешиваться тоже не намерен. Но я слежу за тобой, Райдер. Внимательно слежу.

Отчаянно хочется сжать кулаки, но я усилием воли прижимаю ладони к телу.

– Спасибо за предупреждение. Теперь я могу идти?

Он отрывисто кивает.

Я вылетаю в коридор и только там выдыхаю. До чего хреновая ситуация. Понятия не имею, как все в итоге сложится, но, судя по событиям сегодняшнего утра, ничего хорошего ждать не стоит.

Мне не сразу удается сориентироваться и понять, как выйти из здания. Хоккейный комплекс Брайара больше, чем в Иствуде, и некоторые коридоры напоминают лабиринт. В конце концов я выхожу в холл – похожее на пещеру пространство, где со стропил свисают флаги, а стены украшают вставленные в рамку джерси. Через стеклянную стену у выхода замечаю на улице своих друзей.

– Что ж, веселенькое выдалось утро, – замечает Шейн, едва я успеваю к ним присоединиться.

– Просто супер, – киваю я.

Солнце бьет прямо в глаза, и я торопливо надеваю солнечные очки. Перебираясь на Восточное побережье из Аризоны после старшей школы, я считал, что в сентябре в Новой Англии прохладно. Я не ожидал, что и осенью может долго держаться почти летняя погода.

– Будем надеяться, вторая группа справится лучше нас, – криво ухмыляется Мейсон Хоули. Мейсон – младший брат Рэнда, а большую часть времени – еще и его сторож.

– Сильно в этом сомневаюсь, – откликается Шейн. – Никто с этой хренью не разберется.

Будто в подтверждение его слов с катка выходят несколько парней из команды Брайара, и, едва заметив нас, все они становятся мрачнее тучи. Застывают наверху лестницы и обмениваются настороженными взглядами. Потом Кейс Колсон бормочет что-то Уиллу Ларсену, и вся группа устремляется вперед.

Наши с Колсоном взгляды пересекаются – всего на мгновение, он первым отводит взгляд и марширует мимо нас. Словно не признавая нашего существования, вся группа спускается по главной лестнице и отправляется по своим делам.

– До чего теплый прием, – тянет Беккетт, глядя им вслед. Когда он впадает в сарказм, австралийский акцент становится еще более заметным, чем обычно. Семья Бека переехала в Штаты, когда ему было десять. Акцент в Америке из него в основном выбили, но след остался – намек на истинную манеру речи, скрытый за привычным тоном голоса.

– Серьезно, – встречает Шейн, – все так хотят нас тут видеть, я прямо чувствую. У них в Брайаре сплошь радуга и единороги, аж голова кружится от восторга.

– Отстой, – бормочет Рэнд, не сводя глаз с хоккеистов Брайара. Он выпрямляется и поворачивается ко мне. – Нужно собрать срочное совещание. Я напишу в групповой чат. Можно провести его у тебя?

– Вторая группа еще на тренировке, – возражает Шейн, но Рэнд уже достает телефон.

– Я им скажу, чтобы подошли к полудню.

Даже не дождавшись согласия, он отправляет сигнал SOS, благодаря чему пару часов спустя в гостиной нашего таунхауса собирается толпа – двадцать с лишним человек.

Мы с Шейном и Беккеттом въехали сюда на прошлой неделе. В Иствуде у нас был дом побольше, но шансы найти жилье за пределами кампуса, в Гастингсе (ближайшем к Брайару городке), были мизерными. Если раньше у меня имелась собственная ванная комната, то теперь – одна на двоих с Беккеттом, а у него столько средств по уходу за волосами, что свободного места почти не осталось. И еще он вечно захламляет полку. Такой бабник, а сам ведет себя как девчонка. К слову, о бабниках. Шейн у нас недавно пополнил их ряды, так что теперь, вместо того чтобы следить, что творит Рэнд, он пишет какой-то цыпочке, которую встретил в

«Старбаксе» буквально час назад. С июня Шейн спит со всеми подряд – так он лечит разбитое сердце. Хотя, если спросить его самого, он заявит, что расстался с бывшей по взаимному согласию.

Спойлер: так не бывает.

– Так, заткнулись все, – велит Рэнд. Они с Мейсоном из Техаса, говорят оба немного в нос, но если Мейсон, истинный южанин, никогда не напрягается, то его старший брат вечно натянут как струна. – Надо поговорить о проблеме с составом команды.

Он ждет, пока все затихнут, а потом смотрит на меня.

– Что? – бормочу я.

– Ты теперь капитан. Тебе и вести это собрание.

Прислонившись к стене, скрещиваю руки на груди.

– Для протокола скажу, что я совершенно не хотел становиться капитаном, а вы все просто говнюки, раз так со мной поступаете.

Шейн сгибается пополам от смеха.

– Такова жизнь, – заявляет Рэнд, закатывая глаза. – Они назвали Колсона. Что нам оставалось делать?

– Не выбирать меня? – предлагаю я самым спокойным голосом, на какой только способен.

– Мы должны были выступить с заявлением. Выставить против их лучшего игрока своего лучшего.

– Он не их лучший, – неуверенно произносит Остин Поуп, кудрявый парнишка, примостившийся возле одного из кожаных кресел вместе с остальными первокурсниками.

Рэнд тут же устремляет взгляд в его сторону.

– Что ты сказал, новичок?

– Я просто говорю, что больше нет «их лучшего» и «нашего лучшего». Мы теперь в одной команде.

Голос у него несчастный – прямо как мое внутреннее состояние.

– Неважно. Можем мы наконец перейти к обсуждению состава? – нетерпеливо восклицает Рэнд.

– А что обсуждать? – скушаяще откликается Беккетт, печатая параллельно что-то на телефоне. Разговор он слушает вполуха. – Кого Дженсен выберет, того и выберет.

– Ого, вдохновил так вдохновил, – посмеивается наш вратарь-второкурсник. Он сидит на одном из кубиков разобранного серого дивана.

– Ведь на самом деле волноваться не о чем, правда? – Теперь вид у Остина такой, будто его вот-вот стошнит. – Он же не выгонит нас всех, да? А что, если он возьмет и вычистит весь «Иствуд» за один промах?

Все молча на него пялятся.

– Что? – Ему явно неловко.

Шейн в ответ ухмыляется.

– Тебе через пару месяцев играть на Мировом молодежном чемпионате, малец. Уж ты-то в команду явно войдешь.

У Остина от природы такие задатки, каких я ни у кого не видел (кроме себя самого разве что). «Иствуд» активно пытался переманить его в прошлом году, и мы все были просто в восторге, когда он принял предложение. Тогда, весной, никто и подумать не мог, что весь наш чертов университет пойдет ко дну.

Что меня бесит больше всего, так это то, что только двадцать пять парней из Иствуда решили перейти в Брайар. Некоторые наши сокомандники, в основном из старшекурсников, сбежали, как крысы с корабля, едва прозвучало объявление. Одни перевелись в соседние колледжи. Другие пошли в профессиональный спорт. Некоторые вообще бросили команду. И вот

последних я совершенно не понимаю. Настоящий хоккеист знает, что нельзя просто так все бросить, когда становится трудно.

Впрочем, Шейн прав. Остину волноваться не о чем. Как и многим из нас. Легко догадаться, кому Дженсен отдаст предпочтение. Шейн, Бек и Остин – наверняка. Патрик и Назем только на втором курсе, но они катаются лучше всех, кого я когда-либо видел в деле. Мика со старшего курса держит клюшку, пожалуй, лучше всех в команде.

Проблема в том, что, рассматривая сидящих в комнате, я понимаю, что талантливых парней куда больше, чем свободных мест. Кого-то неизбежно ждет разочарование, и таких будет много.

Будто почуяв ход моих мыслей, Рэнд краснеет от злости. Благодаря Трагеру на щеке у него уже наливаются синяк.

– Если я не попаду в команду, а этот мудака Трагер попадет...

– Ты попадешь, – заверяет брата Мейсон, но даже в его голосе нет полной уверенности.

– Да уж надеюсь, – откликается Рэнд. – И вообще, хорошо бы, чтобы костяк составил «Иствуд». Мы все и пара человек от них.

Понимаю, что как один из двух новоявленных капитанов я, по идее, должен положить конец такому отношению, задавить его в зародыше. Нельзя начинать новый сезон с позиции «мы или они».

Вот только, как бы Дженсен ни желал обратного, все так и есть: мы или они. Мы с товарищами по «Иствуду» отыграли вместе уже два года. Мы команда, в прошлом году дошли до «Замороженной четверки». Трофеем домой мы не увезли, но в этом году готовы были все изменить.

Кто бы ни одобрил это слияние, он, в сущности, взял винтовку и расстрелял в упор команду, которая должна была вот-вот оказаться на вершине.

– Парни, вы не понимаете! – орет Рэнд, которого явно достало отсутствие активности среди сокомандников. – Что, никто не может посчитать? Только в этой комнате шестнадцать человек из стартового состава. А значит, чтобы все мы в нем и *остались*, Дженсен должен избавиться от всех своих нынешних игроков.

Горечь, исказившая его лицо, передается и другим ребятам. Они мрачнеют. По комнате проносится раздраженное бормотание.

Рэнда, которого в принципе дружелюбным человеком не назовешь, враждебный настрой только распаляет. Он начинает ходить по комнате – такая напряженная фигура с мясистыми плечами.

– Некоторые из нас даже в стартовый состав не попадут, вы понимаете, а? Вы, на хрен, понимаете? У нас тут конкуренция за наши же сраные позиции...

– Ты мог бы перевестись, – замечает Беккетт. До этого он что-то листал на телефоне, но теперь поднял голову, чтобы прервать злобное выступление Рэнда.

А тот все продолжает метаться по комнате.

– И куда пойти? Да и вообще, пошел ты! Хочешь, чтобы я сбежал, как наш собственный капитан? Как наш слюнтяй тренер?

Это он про Скотта Эванса, который прежде был нашим главным тренером. Эванс отказался работать под началом Дженсена после слияния и согласился на должность тренера в элитной частной школе в Нью-Гэмпшире.

– Круто, тогда заткнись, – пожимает плечами Шейн. – Прекрати жаловаться и сражайся за свое место. Докажи, что заслуживаешь места в команде.

Рэнд стискивает зубы. Я знаю, о чем он думает. У «Брайара» как минимум десять парней, которые играют лучше него. И все зависит от того, как Дженсен расставит игроков. Кого он ценит больше – тех, кто активно дерется за шайбу, раздавая синяки всем вокруг, как Рэнд, или тех, кто позволит команде забить побольше голов.

– А что насчет тебя? – взвизывает Рэнд. Теперь его злобный взгляд направлен на меня. – Тебе серьезно нечего сказать?

Меня охватывает раздражение. Мы с Рэндом никогда особо не ладили. Я, конечно, вообще мало с кем по-настоящему дружил. Даже лучшие друзья меня едва знают.

Когда я обращаюсь к собравшимся, голос у меня сиплый, а руки безвольно висят вдоль тела.

– Ситуация дерьмовая, понимаю. Но, как и сказал Линдли, если хочешь в стартовый состав, борись.

Рэнд презрительно смеется.

– Да ладно, Райдер, ты просто тупица, если считаешь, что этим все кончится. Да, ты уже в стартовом составе. Но, приятель, как думаешь, что будет дальше? Что, собираешься играть в одной линии с Колсоном и считаешь, что он тебя прикроет? Что он передаст тебе шайбу, вместо того чтобы урвать себе всю славу, потому что не захочет делиться с парнем из «Иствуда»? Дело не только в том, чтобы попасть в стартовый состав. А в том, что даже после того, как тебя отберут, придется соревноваться со своими же гребаными сокомандниками.

В комнате становится так тихо, что слышно дыхание каждого из нас. Хуже всего то, что Рэнд не ошибается.

Как ни крути, нам всем крышка.

Глава третья

Джиджи

Это просто поцелуй

Последние несколько лет папа ведет программу «Короли хоккея». Впервые она вышла в эфир через год после того, как он бросил профессиональный спорт, хотя изначально, уходя на покой, он совершенно не планировал заниматься ничем подобным. Сначала канал TSN предложил ему девятизначную сумму (да-да, девятизначную), пригласив на должность спортивного комментатора. Вот только за несколько дней до начала работы он вместе с Джейком Коннелли – еще одним спортсменом, только вышедшим на пенсию, – появился на канале ESPN. Они вместе обсуждали финал Кубка Стэнли, и один-единственный выпуск передачи обеспечил каналу такие рейтинги, какие ESPN много лет даже не снились. Ребята с TSN тут же почуяли большие деньги и сообразили, что папе куда больше подходит роль обозревателя, а не просто комментатора в прямом эфире. В итоге они предложили ему вести «Короли хоккея» вместе с Коннелли, а остальное – уже история.

И теперь эти двое говорят в эфире обо всем, что связано с хоккеем. Об НХЛ, студенческих играх и международных матчах. Даже о том, что творится на этом фронте в старших школах. Ни одна тема не остается в стороне – за это зрители и любят передачу. А вот мне

больше всего нравятся названия сегментов. Продюсеры у них – изобретательный народ и с ума сходят по аллитерациям⁹.

Видимо, поэтому карточка для сегодняшнего вечернего блока, посвященного студенческому хоккею, озаглавлена «БРУТАЛЬНОЕ КРОВОПРОЛИТИЕ В БРАЙАРЕ». Судя по всему, новости об утренней потасовке уже добрались до крупных спортивных телеканалов.

– Как-то слишком театрально, тебе не кажется? – спрашиваю я папу, когда он звонит через пару часов после эфира. – Это была, наверное, наименее кровопролитная драка из всех, что я видела. Пара капель крови максимум.

– Эй, нам нужны просмотры. А кровь в хоккее приносит большие деньги.

– Ты ведешь передачу с Джейком Коннелли, самым красивым мужчиной в мире. Поверь мне, просмотры у вас и так будут.

– Стоп-стоп-стоп, – принимается стонать он. – Ты же знаешь, как меня расстраивает, когда ты начинаешь петь песни дурацкой смазливости Коннелли. У меня сразу комплекс неполноценности активизируется.

В ответ я хохочу.

– Что ты, что твоя мать! С чего вы вообще взяли, что он хорош собой? У него внешность-то средненькая в лучшем случае.

– О нет, явно не средненькая.

– Не согласен.

Посмеиваясь про себя, выуживаю из комода спортивные брюки. Мы сегодня смотрим кино у Уитни в комнате, чуть дальше по коридору.

– Ты сегодня разговаривала с братом? – интересуется папа.

– Нет. Он писал мне вчера вечером, прислал какой-то глупый мем, но в остальном от него ничего не слышно уже несколько дней. А что? Он снова исчез со всех радаров?

Есть у моего брата-близнеца привычка: когда он пишет музыку, мир вокруг словно перестает для него существовать. Телефон вырубается. И в итоге мама постоянно беспокоится, потом пишет мне и пытается выяснить, нет ли от Уайатта вестей.

Уайатт в отличие от меня в колледж не пошел. Об этом он заявил нашим родителям утром после школьного выпускного, хотя его приняли в три лучших университета страны, включая Джульярд¹⁰. Он явился, весь такой деловой (насколько возможно для пацана в рваных джинсах и затасканной футболке), усадил их и сказал, что в колледже его ничему не научат, что его призвание – музыка, и не надо даже отговаривать их отпрыска от принятого решения. Мол, спасибо, я определился.

Три недели спустя он переехал в Нэшвилл¹¹. А ведь он даже не кантри пишет. По стилю он ближе к смеси фолка и поп-рока, точнее сказать сложно. Все, что я знаю, – он крут. Просто невероятен. Музыкальный талант он явно унаследовал от мамы.

Вот только знаете, что больше всего бесит меня в брате? Он унаследовал еще и *папин* талант. Он еще и в хоккее играет, причем играет хорошо.

Он просто *не хочет*.

У меня это в голове не укладывается. Как можно не хотеть играть в хоккее?

Что с ним, черт возьми, не так?

Меж тем папа продолжает говорить:

– В любом случае я тут подумал: если он приедет домой, может, и ты заглянешь? Скажем, в следующие выходные или через выходные?

– Да, думаю, смогу. У нас открытие сезона только через несколько недель.

⁹ Повторение одной или нескольких согласных для придания тексту большей музыкальности и выразительности.

¹⁰ Одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки.

¹¹ Столица американского штата Теннесси, считается столицей кантри.

– Кстати, как тебе парни? Как они сыграли утром, я имею в виду.

– Понятия не имею. Я же говорила: они потренироваться успели минуты две, а потом Джордан набросился на одного из иствудских парней. Они дрались, пока Люк Райдер их не растащил.

– У этого Райдера дурной характер. Понятия не имею, как он справится под началом Дженсена. Такой тренер всю эту чушь терпеть не будет.

– Честно говоря, пока непохоже, что хоть кто-то из них успешно справится.

– Если ты волнуешься, что Кейс не попадет в команду, то не стоит. Он точно будет в стартовом составе.

– Это меня как раз вообще не волновало, но переход хороший. Решил закинуть крючок?

– Какой крючок? – невинно откликается папа. – Нет, ну раз уж ты подняла эту тему...

Я закатываю глаза. Хорошо, что он меня не видит.

– Мы не сошлись снова, если тебя это интересует. Я знаю, ты им просто одержим, но надо двигаться дальше, друг мой.

– Я им не одержим, – протестует отец. – Мне просто нравится этот парень. Я думал, он хорошо тебе подходит.

Я так тоже думала.

Пока он мне не изменил.

Вот только папа об этом не знает. Семья у нас тесная, дружная, но есть вещи, которые я родителям не рассказываю – например, не обсуждаю с ними свою сексуальную жизнь. Не говорю, сколько бокалов могу выпить на вечеринке и что иногда балуюсь косячком.

И уж тем более не рассказываю о том, как парень, в которого я была безумно влюблена, целовался с другой в тот самый вечер, когда я призналась ему в любви. Ни за что.

– Слушай, мне пора, – торопливо произношу я, пока папа не взялся за расспросы. – Киновечер с Уитни и Ками.

– Ладно. Передавай им привет. Люблю тебя, Стэн.

– Передам. Я тебя тоже люблю.

Только я заканчиваю разговор, как на экране всплывает сообщение от Кейса. Наверное, уши загорелись, пока мы с папой его обсуждали.

Кейс: Можем поговорить?

Пожалуйста.

Я смотрю на сообщение. Палец завис над клавиатурой, но я никак не могу заставить себя набрать ответ.

Знаю, что должна. Легко было игнорировать его сообщения и звонки летом, но теперь мы оба вернулись в кампус, так что, наверное, стоит все прояснить. Тем не менее я даже не знаю, что еще сказать. Мы расстались. Я не хочу снова сходитья с ним и не готова вновь стать ему лучшим другом.

Кейс: Наверное, стоит добавить: я у твоей двери.

Черт бы его побрал. Он даже не дал мне принять решение, и это так бесит, что я, топя ногами, подхожу к двери и с силой распахиваю ее настежь.

Кейс и правда на пороге – в спортивных брюках, черной толстовке, в бейсболке козырьком назад. Заметив мое недовольное выражение лица, он закусывает губу.

– Знаю. Я идиот. Не надо было вот так заявляться.

– Не надо было, – киваю.

– А еще, думаю, мне стоит вернуть вот это, – он протягивает ключ-карту от входной двери в Хартфорд-Хауз.

Я быстро выхватываю ее у него из рук. Черт. Я совсем забыла, что она осталась у него.

– Ну, раз уж я здесь... – Он знакомо улыбается, той самой улыбкой, от которой у меня обычно тает сердце.

Впрочем, сегодня ему не суждено растаять до конца: он явился без приглашения, и меня это сердит.

– Удели всего пять минут, – видимо, он замечает мои сомнения, потому что взгляд светло-голубых глаз становится умоляющим. – Пожалуйста, – тихо добавляет он.

Я приоткрываю дверь пошире.

– Ладно. Но мне пора уходить. Меня ждет Уитни.

– Я недолго, – обещает он.

Он проходит небольшую гостиную и благодаря своей мощной фигуре тут же занимает большую часть пространства. У меня апартаменты с двумя спальнями в Хартфорд-Хаузе, одном из лучших общежитий Брайара. А еще это одно из старейших зданий, практически полностью увитое плющом, и, поскольку построили его еще до того, как университет начал с максимальной эффективностью использовать каждый квадратный метр площади, комнаты и апартаменты здесь гораздо больше, чем в других общежитиях. Хартфорд расположен на самом краю кампуса, совсем рядом с дорожками для бега, что просто идеально: несколько раз в неделю мне удастся пораньше встать и пробежаться перед тренировкой. Спортзал я никогда не любила. Мне нравится свежий воздух, даже зимой.

Вместо того чтобы сразу заговорить о том, зачем пришел сюда, Кейс засовывает руки в карманы и начинает с безопасной темы.

– Утром сегодня сурово вышло, – говорит он. – Знаю, вы наблюдали.

– Да. Напряженная была атмосфера. Дженсен вам потом устроил трепку?

– О да, – морщится он. – А потом сделал меня одним из капитанов.

Такого я не ожидала.

– Seriously? А почему было не оставить Демейна капитаном?

– А он не выбирал. Ребята выбрали. И дальше – лучше. По словам Дженсена, нам нужно *два* капитана, мол, так мы объединим команду или что-то в этом духе. Это же просто чушь. Никто ни с кем объединяться не собирается. – Каждое его слово пронизано горечью. – И в любом случае знаешь, кого выбрали вторым капитаном? Люка Райдера.

Я прямо ощущаю, как брови ползут вверх от удивления.

– Ты шутишь, что ли? Они *его* выбрали капитаном? Да у парня характер как у кактуса.

Кейс фыркает:

– Метко сказано.

Несколько секунд мы молчим, и я мысленно готовлюсь к смене темы. Я всегда предчувствую, куда повернет разговор, как предчувствую приближение дождя. Я просто ходячий барометр для дождя и неловких разговоров.

– Я очень скучаю по тебе, – признается он, и голос у него такой несчастный, что признание душным облаком повисает в комнате. У меня просто сердце разрывается, когда он говорит подобное, так что приходится от волнения прикусить щеку.

– Кейс...

– Я знаю, что у меня нет никакого права так говорить. Я просто... я скучаю по тебе. И ничего не могу с этим поделать. – Пару мгновений он колеблется, а потом спрашивает: – А ты по мне хоть немного скучаешь?

Он так честно на меня смотрит – просто еще один удар по моему больному сердцу. Скверно все это, ведь Кейс на самом деле действительно хороший парень. Поступил он ужасно, но злодеем его это не делает. Я абсолютно уверена, что он не хотел причинить мне боль. Просто совершил ошибку.

Нет, резко возражает другая часть меня. Он не ошибку совершил. Он сделал выбор.

– Джи?

– Конечно, я скучаю по тебе, – признаюсь я, потому что врать ему у меня никогда не получалось. – Но это не отменяет того факта, что мы расстались.

Выражение его лица становится подавленным.

Тяжело вздохнув, Кейс падает на черный кожаный диван, который нам купили родители моей соседки, когда сообразили, что наша старая софа куплена на гаражной распродаже в Гастингсе. Родители у Мии... мягко говоря, *снобы*, но у этих снобов отличный вкус.

И вот теперь Кейс сидит на этом диване, закрыв лицо, и мне едва хватает силы воли, чтобы не подойти ближе и не обнять его. Всегда ненавидела, когда Кейс расстраивается. Для него это совершенно неестественное состояние. Он вообще очень позитивный человек и все трудности переносит спокойно. И сердце у него действительно доброе. Из-за этого парня просто невозможно ненавидеть.

Наконец он поднимает голову.

– Я хочу вернуть тебя. Малыш, пожалуйста, – голос у него срывается. – Без тебя все просто ужасно.

По броне, выстроенной мной вокруг собственного сердца, бегут трещинки.

– Я знаю, что тебе все это тоже ненавистно, – умоляет Кейс. – То, что мы не вместе. Знаешь, каким было лето без тебя? Тяжелым. Просто, блин, невыносимым.

И да, и нет. Я правда скучала по нему летом, не буду даже отрицать. Но еще я не засыпала в слезах и не сочиняла в заметках телефона абзац за абзацем печальные любовные послания о том, как он меня ранил и как трудно будет снова сойтись. Правда в том, что я даже не знаю, возможно ли это. Нет, я не холодная и не черствая. Друзья говорят, я слишком легко прощаю. И ведь я *уже простила* Кейса, правда.

Но забыть, что он сделал, не могу.

– Ты мне изменил, – спокойно напоминаю я.

– Это просто поцелуй! – несчастным голосом возражает он, и меня тут же охватывает злость. Я уже открываю рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но Кейс успевает первым.

– Знаю, знаю. У нас разные представления об измене. Просто мне кажется, то, что я сделал, даже не измена...

– Ты обжимался с другой! Это не «просто поцелуй», Кейс. И это правда измена.

– Ну сглупил, ясно? Я полностью признаю, что облажался.

Точно такой же спор состоялся у нас в июне, когда он признался, что сделал. Точно такой же спор состоялся, когда он пытался вернуть меня. Меня от всего этого уже тошнит.

– Ты хочешь заново сойтись, но даже не готов признать, что изменил!

– Я ошибся, – заметив мое напряженное выражение лица, он тоже напрягается. – Ладно. Я изменил. Хорошо? Я изменил и сожалею об этом каждую секунду каждого дня с тех пор, как это случилось. Я был пьян и психовал, потому что отношения у нас становились совсем серьезными, и я... сорвался, короче, – повторяет он, опустив голову. Ему явно стыдно.

Стоять перед ним становится неловко, так что я сажусь рядом. Оставляю между нами пару футов расстояния, но он поворачивается ко мне. Ноги у него такие длинные, что мы соприкасаемся стопами – кончик его потертого кеда и моего носка.

– Ты обещала, что подумаешь, – тихо напоминает Кейс. – О том, чтобы все начать сначала.

Я напряженно вздыхаю.

– И я подумала. Но, как и сказала тебе в последний раз, когда мы переписывались, я не хочу снова сходиться.

Кейс мрачнеет. Он берет меня за руку, и я позволяю. Наши пальцы переплетаются. До чего знакомая у него рука – теплая и сухая, с мозолистыми подушечками длинных пальцев.

Он так изучающе на меня смотрит.

– Прошу тебя. Я просто хочу доказать, что не пытаюсь заморочить тебе голову и не в игры играю. Я совершил ошибку и несу за это ответственность. Но прямо сейчас я хочу, чтобы ты знала одно, самое важное: что я люблю тебя.

Сердце мое трепещет. Он понятия не имеет, как долго я ждала, когда же он произнесет эти слова. Вообще-то все полтора года, что мы встречались. Я так быстро влюбилась в Кейса, но заставляла себя молчать, не торопиться с признанием – боялась отпугнуть его. А потом, когда наконец-то впервые выговорила заветные три слова, он не сказал того же в ответ. Разумеется, потом, *после поцелуя с другой*, он ими прямо-таки начал разбрасываться, но в тот вечер, когда я произнесла: «Я люблю тебя», он не ответил: «Я тебя тоже».

От воспоминания об этом трепетание сердца в груди сменяется холодом.

– Ты явно настроена скептически, – произносит Кейс, внимательно изучая меня.

– Не знаю, как я настроена. Я... у меня нет для тебя ответов. Мы расстались.

Он медленно кивает. Проводит рукой по своим золотистым волосам, и мой взгляд, как всегда, притягивает мужественная челюсть. Любая девушка, только взглянув на это идеальное лицо, бросится в его объятия и воскликнет: «Да возвращайся, конечно!»

Я так торопиться не намерена. После всего случившегося – нет.

– Ладно, я понимаю, – произносит Кейс после долгого молчания. – Не буду тебя задерживать.

Меня волей-неволей охватывает чувство вины, и я сжимаю его руку, пока он не успел отстраниться.

– Послушай, я все равно твой друг, – заверяю его. – Запомни, что, если я когда-нибудь тебе понадобится, ты можешь просто позвонить, ясно?

– Знаю. И я тоже всегда приду тебе на помощь. – Он тянет меня за руку, и мы оба встаем. – Ладно, пойду. И тебе пора, Уитни ждет.

Уже у порога Кейс отпускает мою руку и распахивает объятия. Я не могу сопротивляться и обнимаю его. Позволяю ему прижать меня к себе. В его руках я как дома.

На мгновение меня одолевает искушение поднять голову. Позволить ему коснуться моих губ и самой раствориться в поцелуе.

Вот только потом я вспоминаю, как этими самыми губами он целовал другую, и мимолетный порыв тут же исчезает.

Глава четвертая

Джиджи

Что, правда, Карл?

На следующий день рано утром я отправляюсь на каток – сегодня в планах одиночная тренировка. Уже на выходе сталкиваюсь с мужской командой – у них второй день тренировочного лагеря. После проката умудряюсь втиснуть пробежку, но очень недолгую, потому что на улице слишком влажно, даже хуже, чем я ожидала. Я как раз возвращаюсь в общежитие, когда мне звонит Уайатт и принимается жаловаться на маму, которая не выразила надлежащего восторга по поводу его новой песни. Я так понимаю, ей не понравилась аранжировка, но он так причитает, будто она велела ему бросить музыку насовсем и пойти работать продавцом в аптеку.

В конце пробежки сбавляю темп и позволяю себе насладиться тем, что весь кампус в моем распоряжении. Уроки начинаются только в понедельник, и вот тогда Брайар оживет, превратится в настоящий улей. Студенты и преподаватели заполнят мощеные дорожки, оккупируют кованные скамейки. Покрывала раскроят траву в разные цвета, а вокруг студенты будут бросать фрисби и играть в футбол. Даже когда погода изменится, кампус все равно останется

красив. Опустится снежный покров, деревья покроются инеем. В Новой Англии нет плохой погоды. Любовь к этим краям у меня в крови.

В крови она и у моего брата, вот только Уайатт никогда не умел сидеть на месте. Его вечно тянет в странствия – прямо настоящая болезнь. Вечно убеждает папу, что в межсезонье мы непременно должны отправиться в какую-нибудь эпичную поездку. Серфинг и скоростной спуск по тросу в Коста-Рике. Трекинг в Южной Америке. Подводное плавание на Мальдивах. Они с папой невероятно близки, но, как бы Уайатт ни отрицал, на самом деле он тот еще маменькин сынок.

Именно поэтому я смеюсь и прерываю его на середине гневной тирады.

– Так, давай просто притормозим с этим якобы гневом, а? Мы с тобой оба знаем, что в итоге ты поступишь так, как она скажет.

– Неправда, – упрямится брат.

– Серьезно? То есть проигрыш ты менять не собираешься?

– Если и поменяю, то потому что сам так решу, а не потому что мама сказала.

– Ага, как же. Продолжай аутотренинг, чемпион, – я театрально кашляю в трубку. –

Маменькин сынок.

– Я не маменькин сынок! – О, а вот и возвращение гнева.

– А разве у тебя на аватарке не фотка с мамой?

– Да, но она с «Грэмми»¹²! – ворчит Уайатт. – Кто откажется поставить на аву фотку с «Грэмми»?

Ну, я бы отказалась. Вероятно, дело в том, что мне совершенно не хочется напяливать шикарное платье, чтобы потом меня фотографировали на вручении какой-то там премии. В прошлом году я могла пойти на церемонию вместе с ними – мама написала музыку для альбома нового трио, играющего инди-рок, и получила за него несколько номинаций на «Грэмми», но Уайатт такие мероприятия любит куда больше меня.

– Что ж, *очевидно*, от своей дражайшей сестры я поддержки тоже не получу.

– Дражайшей? – фыркаю я в ответ. – Вот сказанул-то!

У входа в Хартфорд-Хауз я останавливаюсь завязать шнурок.

– Слушай, мне надо идти, – говорю я ему, поднявшись. – У меня на день куча планов.

– Пока, предательница.

Насчет планов я не шутила и уже вскоре еду в город – в гости к своей лучшей подруге. Хочу извлечь максимум из солнечного влажного утра.

Диана живет в новом жилом комплексе Мэдоу-Хилл¹³. Не самое подходящее название, учитывая, что рядом нет ни луга, ни холма. В Гастингсе, штат Массачусетс, место находится в основном ровным жилым улицам, маленьким паркам и тропинкам в тени деревьев. И все же этот новый жилой район мне нравится. Балконы с белыми перилами выходят на большой, красиво оформленный двор с огромным бассейном и несколькими рядами шезлонгов под красно-белыми полосатыми зонтиками. Божественно.

Сегодня я слышу ее голос не через домофон у входа в подъезд, а с балкона.

Поднимаю голову и вижу, как она мне машет.

– Можешь не подниматься, я уже спускаюсь! Встретимся у бассейна!

Поправляю на плече пухлую пляжную сумку и отправляюсь на задний двор, где, к моему изумлению, нет ни души. Пусто!

Задняя дверь открывается, и Диана несется мне навстречу. На ней джинсовые шорты и ярко-розовый лиф от бикини. Платиновые волосы собраны в высокий хвост, который подпрыгивает при каждом ее шаге.

¹² Музыкальная премия, вручаемая ежегодно американской Национальной академией искусства и науки звукозаписи.

¹³ Дословно переводится как «холм на лугу».

Если кто-нибудь попросит меня описать Диану Диксон одним словом, я скажу: «бомба». Ростом она чуть выше пяти футов¹⁴, но энергии в ней пугающе много, а еще она очень эффектна и обладает огромной жадной жизнью. Я ее просто обожаю.

– Где все? – тут же спрашиваю я, обводя рукой пустой бассейн. – Почему никто не наслаждается солнышком?

– Джиджи, люди вообще-то на работу ходят. Не все такие свободные дамы, как мы с тобой.

Я смеюсь. Она ведь права. Вечно забываю, что район не студенческий. Тут живут взрослые люди. Из всех жильцов Диана самая младшая.

На первом курсе она жила вместе со мной и Мией в апартаментах на троих, но в конце второго семестра у нее умерла тетушка и оставила Диане в наследство эту квартиру. Я так расстроилась, когда она уехала, но сложно винить человека за желание сбежать из общежития. Теперь у нее свой дом, свое личное пространство, а ипотеку за квартиру тетушка полностью выплатила.

Думаю, я могла бы оказаться в схожем положении: родители предлагали снять или купить мне квартиру за пределами кампуса, когда я только начала учиться в Брайаре. Но мне эта идея пришлась не по душе. Они и так платили за мое обучение: от стипендии я отказалась, потому что считаю неправильным быть из богатой семьи и отбирать возможность у того, кто не может позволить себе учебу в Лиге плюща.

По той же причине я не хочу дополнительных бонусов, которые идут вкуче с богатыми родителями. Жить в общежитии дешевле, чем за пределами кампуса, потому что здесь все включено, так что, раз уж родители финансируют все мое пребывание в колледже, мне не хочется брать больше денег, чем нужно.

– Надеюсь, ты прихватила солнцезащитный крем, потому что мой закончился.

Я приоткрываю сумку.

– Со мной не пропадешь, детка.

– Я даже не сомневалась.

Мы застилаем полотенцами два соседних шезлонга и по очереди намазываем друг друга кремом. Солнце печет неимоверно.

– Как прошла утренняя практика у чирлидеров? – спрашиваю я. – Эта новая девица все еще претендует на твое место?

Диана не просто чирлидерша, она делает выбросы. В команде она лучшая, по крайней мере была в прошлом году, когда они заняли второе место на национальном чемпионате. Вчера подруга написала мне, что волнуется насчет новенькой: появилась какая-то зажигалка-первокурсница, которая в составе школьной команды выиграла четыре последних национальных чемпионата среди старшекласников.

– Марго? Выбыла, – невозмутимо сообщает Диана. В глазах у нее, впрочем, скорее сожаление, чем облегчение. – Порвала ПКС¹⁵ сегодня утром на тренировке. Тренер говорит, она выбыла на целый год.

Мне только и остается, что присвистнуть.

– Вот черт. Сурово.

Студенты, занимающиеся спортом, знают, что от травм никуда не деться, но порой так легко забыть, до чего хрупким бывает человеческое тело. Вот ты пытаешься стать чирлидершей на вершине пирамиды, а через мгновение оказываешься на обочине и пропускаешь целый сезон.

– Да, я ей сочувствую.

¹⁴ Около 150 см.

¹⁵ Передняя крестообразная связка коленного сустава.

Скинув сандалии, я хватаю бутылку с водой и усаживаюсь на край бетонной площадки перед бассейном. Опускаю ноги в воду и понимаю, что она даже теплее, чем я ожидала.

Оглядываюсь через плечо на Диану.

– А ты так и встречаешься с двумя парнями?

Та скидывает шлепанцы и усаживается рядом со мной.

– О, все еще круче. Теперь их трое.

– Господи. Я бы от такой многозадачности сыплю покрылась.

Она преувеличенно тяжело вздыхает.

– Да, становится тяжеловато. Так что ты поможешь мне решить, кого выбрать.

– А со всеми встречаться ты не можешь?

– Я пыталась! Последние несколько недель старалась сократить их число с двух до одного, а вместо этого пополнила список *еще одним*. Но хотелось бы уже раздеваться начать, так что пора сделать выбор. Свой цветочек я раскрою только одному из них.

Я как раз по неосторожности хлебнула воды и теперь принимаюсь кашлять.

– Ах да, твой драгоценный цветочек.

Диана не девственница, но ужасно привередлива к тем, с кем спит. А еще постоянно веселит меня своими абсурдными метафорами, когда мы обсуждаем секс или чьи-то части тела.

Зеленые глаза озорно горят.

– Короче, мне нужна твоя помощь. Помогите мне определиться.

– Ладно, послушаем, как обстоят дела. Один из них – парень из вашей команды, так? Который делает трюки? Как там его зовут? Хотя, знаешь, я никого из них не помню по имени. Ого. Плохая у меня память.

– Даже не думай, напоминать не собираюсь. Не хочу, чтобы ты мыслила предвзято. Потому что у третьего парня просто ужасное имя.

– Что? Да ладно, какое? Пожалуйста, скажи. Роджер? Бифф? А может, Карл?

– Я скажу тебе в конце. Когда ты выберешь.

– Тебе бы только подразнить. Ладно. Ухажер А. Чирлидер.

Она кивает.

– Очень спортивный. Очень целеустремленный. С ним действительно весело. Дерзкий, но не высокомерный. Ужасно сексуальный. Единственная проблема – все пропевает.

– В смысле, постоянно поет песни?

– Нет же, – стонет Диана. – Он *все пропевает*. Типа «а тепе-е-ерь пожую-у-у-у-ка жва-а-а-ачку-у-у».

От этого музыкального шедевра меня сгибает пополам от хохота.

– О боже. Мне он нравится.

– Seriously, одна из самых отвратительных привычек, что мне встречались за всю жизнь. Ухажер Б – настоящий музыкант, но даже он столько не поет.

– О, музыканта я помню. Он написал тебе песню, где пытался срифмовать «Диана» и «бананы». – Я уверенно качаю головой. – Ни в одной песне о любви не должно быть слова «бананы». Кроме того, у тебя семья из Саванны, что ж он такой шикарный вариант упустил?

– С рифмами у него не очень, – признает подруга. – И с чувством юмора тоже. Он не понимает моих шуток и весь такой серьезный.

– Музыканты часто бывают серьезными.

– Знаю, но мне нравится, когда у парня хорошее чувство юмора.

– У ухажера В оно есть?

– О да. А еще он немного чудаковатый. Изучает физику. Очень умный, но никакой снисходительности в общении. Совершенно очаровательный. Вообще не мой тип, но на прошлой неделе мы столкнулись в «Кофе-Хат», и я почему-то почувствовала к нему влечение.

– А минус?

– Немного не уверен в себе. Постоянно расспрашивает о моих бывших, а когда я ему задаю тот же вопрос, злится.

– Это, конечно, раздражает, но он хоть вопросы не нараспев задает.

– Верно подмечено. О, а еще он постарше.

– Насколько?

– На шесть лет. Ему двадцать шесть. Он в магистратуре.

Я обдумываю все, что она рассказала.

– Так, ладно. Основываясь на всех имеющихся данных, я выбираю между ухажером А и ухажером В. Думаю, все зависит от того, кого ты хочешь получить – нахального чирлидера или милого ученого. Будь я на твоём месте, я бы, наверное, попыталась счастья с ученым. Для тебя это стало бы приятной сменой темпа. И, уверена, он будет хорош в постели. Я прямо нутром чую.

– Любопытно. Ладно. Решение принято! Пусть будет ухажер В.

На этой ноте подруга соскальзывает с дорожки и плюхается в воду. Она тут же уходит под воду, а потом выныривает на поверхность и трясет хвостом, как мокрая собака. Меня в итоге обдаёт волной брызг, и я начинаю смеяться.

– Ты просто жестока! – обвиняю я, хотя прохладные капли приятно остужают лицо. А вообще-то пошло оно все. Поправляю завязки бикини и тоже прыгаю в воду.

Ощущения райские. Воды свежая и холодная, приятный контраст с душающей влажностью и неумолимым солнцем.

Некоторое время я плаваю на спине, а потом вдруг вспоминаю нечто очень важное.

– Эй, погоди-ка, а как зовут ухажера В? Давай, выкладывай.

Диана подплывает ко мне, медленно рассекая воду. Время тянет.

– Что, правда, Карл?

Она в ответ вздыхает.

– Персиваль.

У меня рот так и открывается.

– И ему всего двадцать шесть? Что за родители так поступают с ребенком? Он хотя бы откликается на Перси?

– Ему не нравится имя Перси, но, может, я его уговорю, – Диана начинает плыть рядом со мной, посмеиваясь. – Знаешь что? Мне даже неважно. Мне нравится Персиваль. Он-то мне и нужен.

Следующий час мы проводим в бассейне, плавая и болтая о всякой ерунде. Потом еще час валяемся на солнышке, пока живот у меня не начинает урчать так, что его уже невозможно игнорировать.

– Черт, Джи, утихомирь его, – ухмыляется Диана.

– Ничего не могу поделать. Умираю от голода.

– Хочешь, закажем что-нибудь на обед?

– Не могу. Я встречаюсь с Уиллом в городе. Кстати... – Я резко сажусь и засовываю руку в сумку в поисках телефона. – Надо бы время посмотреть.

– Ты знаешь, что я думаю о твоих отношениях с Уиллом, – Диана цокает языком. – Нечего общаться с друзьями бывшего.

– Ну, изначально он был моим другом. – Смотрю на экран. – Черт. Почти час. Скоро надо выдвигаться. Не хочешь к нам присоединиться?

– Не-а. Я пробежусь по тем движениям, которые мы выучили утром на тренировке. Но вечером возвращайся. Появился новый канал с реалити-шоу, и они запустили целую сетку всяких проектов, некоторые просто безумные. Потрясающее зрелище.

– О боже, ты смотрела «Интрижка или судьба»? Мы с мамой одержимы этим шоу.

– Да! – выпаливает Диана, и в итоге мы еще пятнадцать минут обсуждаем лучшее (и при этом – худшее) шоу о свиданиях во всем мире. Чепуха, на которую почему-то тратишь по десять часов своей жизни, а потом сожалеешь об этом.

В итоге я вынуждена прервать этот чудесный разговор, потому что пора зайти в квартиру и переодеться к обеду.

* * *

Не только Диана корит меня за то, что я по-прежнему близка с друзьями Кейса. Об этом мне твердят практически все, и их предупреждения маячат где-то на задворках моего подсознания, пока я иду к ресторану «У Сьюзи», где встречаюсь с Уиллом Ларсеном.

В свою защиту скажу, что я действительно подружилась с Уиллом задолго до того, как начала встречаться с Кейсом. Он, как и я, родился в Бостоне, мы ходили в одну старшую школу. Даже на пару свиданий сходили, пока не поняли, что таких платонических отношений, как у нас, наверное, ни у кого не было, нет и не будет. Химии – ноль.

Именно Уилл познакомил меня с Кейсом на первом курсе, он же убедил сходить с Кейсом на свидание. Я всю жизнь играла в хоккей и старалась не встречаться с хоккеистами. В основном потому что знаю, какие они.

Они – известные бабники.

Хм. Если задуматься, получается, все случившееся – вина Уилла.

– Привет, – обнимаю его, когда он встает из-за стола.

Уилл звонко целует меня в щеку и ослепительно улыбается. У него очарование соседского парня, перед которым редкая женщина устоит.

– Смотри-ка, – он демонстрирует мне ламинированную страницу. – Новое меню.

– Какой сюрприз.

Они тут меню меняют где-то раз в месяц. Такое ощущение, что владельцы никак не могут определиться, какой ресторан хотят содержать.

– Сэндвичей с деревенским хлебом больше нет, – сетует Уилл. – Как жаль. Они мне нравились.

– Да, шикарные были сэндвичи, – пробегаю взглядом по меню и хмурюсь. – Что-то многовато суши. Это настораживает.

Уилл посмеивается.

– Может, они переименуют свое заведение в «Суши у Сьюзи».

– Нет, тогда уж лучше в «Суперсуши-шоп у Сьюзи». Попробуй произнести это раз пять подряд.

– Точно, а потом начнут подавать суп и превратят эту контору в «Суперсуши-шоп и супшоп у Сьюзи».

– Да, так еще лучше.

Мы продолжаем изучать меню. Мне даже жалко владельцев. Они открылись два года назад и с тех пор пытаются удержаться на плаву. Меж тем у дверей их главного конкурента, трактира «У Деллы», вечно стоит очередь. Правда, «У Деллы» здесь уже целую вечность, это излюбленное местечко и почти городская достопримечательность. Мама, когда училась в Брайаре, работала там официанткой.

Мы с Уиллом останавливаемся на бургерах с картошкой фри. Так безопаснее, чем заказывать суши в заведении, где еще на прошлой неделе весь день подавали одни завтраки.

– У тебя же благотворительная игра на этой неделе, верно? – спрашивает Уилл, пока мы ждем заказ.

Я киваю.

– В четверг. Хочешь прийти поболеть?

– Если тренировочный лагерь меня не добьет, обязательно.
– Как идет формирование новой команды?
– О, да просто идеально. Знаешь, мы прямо как вода и масло. Они ведь так хорошо смешиваются.

Меня пробирает смех.

– Все настолько плохо?

– Хуже, чем ты думаешь. Эти парни из «Иствуда» такие злобные!

– Да, уверена, только они, – сухо замечаю я.

Уилл упрямо качает головой.

– Я просто о чем говорю, это ведь они фактически пришли к нам в дом. Могли бы вести себя повежливей.

– Видишь, вот в чем проблема. Ты говоришь, это ваш дом. Будто им здесь не место.

– Так им *и правда* не место, – ворчит друг, но уже с улыбкой, хоть и немного печальной. – Но я тебя услышал. Может, мы и правда отвечаем им тем же. В любом случае еще только второй день лагеря, а все уже готовы поубивать друг друга. Мы в этом году даже в плей-офф не выйдем, что уж говорить о финале.

Снисходительно треплю его по руке.

– Не переживай, сладкий. Как минимум *одна* хоккейная программа Брайара выиграет в этом году «Замороженную четверку». Женщины вас прикроют.

– Вот спасибо.

Тут подходит официантка с нашими напитками, и Уилл на некоторое время присасывается к своей газировке, а потом вдруг заявляет:

– Миллер переводится.

Миллер Шулик – еще один игрок «Брайара», причем чертовски хороший. В прошлом году играл во второй линии. А еще он очень приятный парень. На самом деле единственный его недостаток в том, что его лучший друг – Джордан Трагер.

– Сегодня утром сказал, – мрачно добавляет Уилл. – Тренер нашел ему место в Дулуте¹⁶, в Миннесоте.

– Там хорошая программа.

– Ага. Если здесь он входит в десятку лучших, там будет в тройке. Явно шаг вперед. Просто так жалко, что он уходит. В пятницу вечером устраиваем ему прощальную вечеринку. Барбекю, выпивка. Может, посидим у костра. Ты придешь?

– Конечно. – Мне нравится Миллер. Грустно, что он уедет. – Действительно, до чего жалко. Почему Трагер не может перевестись?

– Потому что чудес не бывает.

Я фыркаю. Даже сокомандники Джордана его не выносят.

– Короче, скажи своим девчонкам про вечеринку для Миллера. Чем больше народу придет, тем веселее будет. Мия уже вернулась со своих шикарных каникул?

Мия, моя соседка, еще и одна из моих лучших подруг по колледжу. Ее отец – посол США в Мальте, а мать – наследница транспортной империи, так что лето Мия проводит, загора на средиземноморских яхтах и отдыхая на роскошных европейских виллах.

– Ты же ее знаешь, она явится в последний день перед началом занятий. Зато Диана в городе.

– Круто. Возьми ее с собой на вечеринку.

Я вопросительно изгибаю бровь:

– Кого-нибудь из новых ребят пригласите?

¹⁶ Университет Миннесота Дулут – государственный университет в городе Дулут с хоккейной командой «Миннесота Дулут Бульдогс».

– А ты, блин, как думаешь?

– Значит, нет.

– Конечно, нет. Зачем ходить Миллеру по больным мозолям?

Подходит официантка с нашей едой, мы благодарим ее, и Уилл тут же хватается за чизбургер, откусывает и жует первый кусок, кажется, целую вечность.

Когда он заговаривает снова, я понимаю, что вся его невозмутимость напускная, так сказать, прелюдия к следующему вопросу.

– Так что происходит между тобой и КК? – Его равнодушие тут же разлетается вдребезги. Смеясь, закидываю в рот картошку фри.

– Так вот оно что.

– Что?

– Допрос насчет Кейса. Думаешь, я правда поверила, что ты ни с того ни с сего позвонил мне и пригласил пообедать?

– Мы постоянно вместе обедаем, – возмущается Уилл.

– Верно, но конкретно сегодняшней обед *просто так* пришелся как раз на следующий день после того, как я сказала Кейсу, что не вернусь к нему. Очень подозрительно, знаешь ли.

– Просто совпадение, – подмигивает он.

– Конечно-конечно, даже не сомневаюсь.

– Клянусь.

Уилл снова откусывает от бургера и принимается невыносимо медленно жевать. При этом он смотрит на меня так, будто ждет, что я заполню паузу. Я этого делать не собираюсь. Жую картошку и делаю вид, что не замечаю, как стремительно его покидает терпение.

– Слушай, скажи мне хоть что-нибудь, – выпаливает он. – Что, черт возьми, мне передать ему?

– Ха! Я так и знала. Это он тебя подрядил.

– Да ладно, Джи, ты же знаешь, что он сожалеет. Он чувствует себя полным куском дерьма.

Внутри поднимается раздражение, и я пытаюсь затолкать его поглубже.

– Понимаю, что ты просто пытаешься ему помочь, но, пожалуйста, давай сменим тему.

Окидываю взглядом стол в поисках кетчупа, и до меня доходит, что официантка его забыла. Раз представилась идеальная возможность выпутаться из этой беседы, я даже не буду подзывать бедную девушку.

Я встаю со стула.

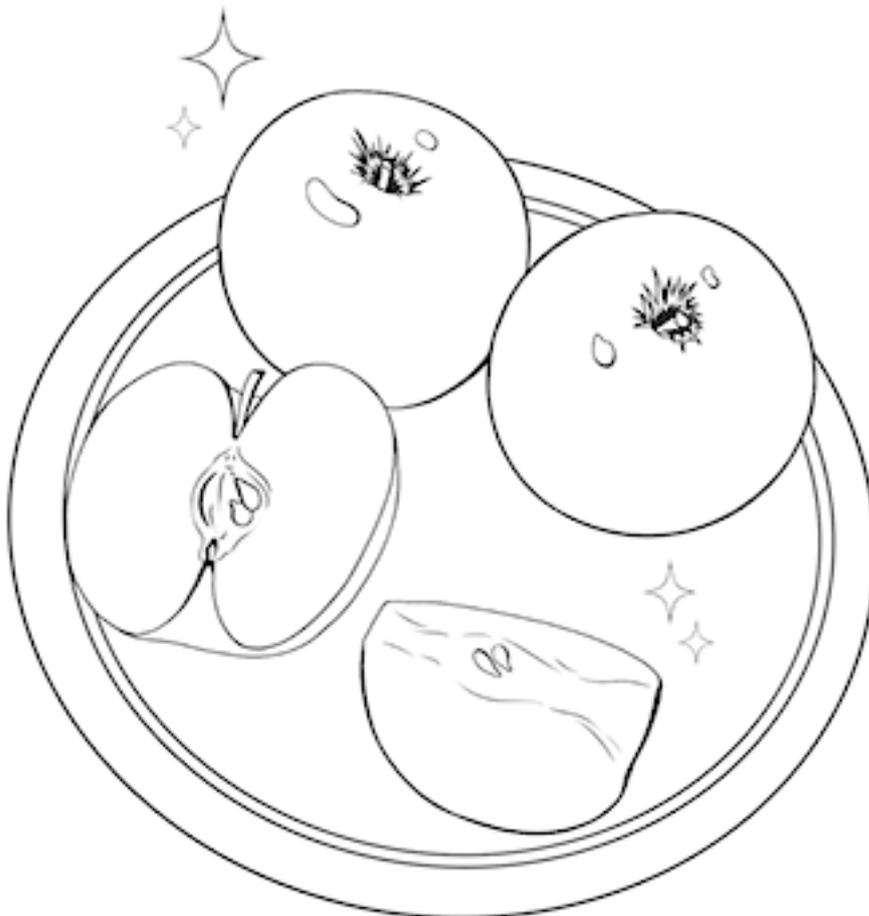
– Пойду возьму со стойки кетчуп.

Я настолько сосредоточена на том, как бы убраться подальше от вопросов Уилла, что совершенно не смотрю по сторонам. Быстро подхожу к стойке и врезаюсь прямо в Люка Райдера.

Глава пятая

Райдер

Каррма с двумя «р»

Дочка у Гаррета Грэхема – горячая штучка. Она была такой уже шесть лет назад, когда мы встретились впервые, а теперь – просто огонь. Сообразив, с кем столкнулась, она распаивает глаза. Большие серые глаза, напоминающие по цвету затянутое тучами небо. Вот только в них нет ничего тусклого, ничего необычного. Они живые, будто небо искрит от электричества и вот-вот разразится громом и молнией.

Длинные русые волосы собраны сбоку и заплетены в косу, ниспадающую на изящное плечо. Она заправляет выбившуюся прядь за ухо и, оправившись от удивления, слегка улыбается мне.

– Привет.

Я приподнимаю бровь.

– А я все гадал, когда же ты наберешься храбрости со мной заговорить.

Джиджи закатывает глаза.

– Мне и не надо набираться храбрости. Просто возможности не было.

А вот это вранье. Мы только сегодня утром виделись в коридоре возле раздевалок, и она едва отметила мое присутствие. Джиджи, конечно, шла с одним из тренеров, но меня явно видела. Кроме того, интересно, что, хотя официально график женских тренировок еще даже

не утвержден, она по-прежнему встает ни свет ни заря, чтобы по собственной воле покататься и потренироваться. Она точно так же делала в лагере, когда помогала отцу.

– А еще я почти уверена, что поздоровалась с тобой в коридоре сегодня, – замечает девчонка.

– Ты кивнула.

– Это одно и то же.

– Правда? – насмехаюсь я.

– Не знаю. – На мгновение она кажется совершенно вымотанной. – Почему тебя так волнует, поздоровалась я с тобой как следует или нет?

– Да меня это вообще не волнует.

– Тогда с чего ты об этом заговорил?

– Уже пожалел.

Джиджи смотрит на меня в упор.

– Я и забыла, какой чудесный у тебя характер.

Вздыхая, отхожу к другому концу стойки – мне велели стоять там и ждать заказ. Мы с парнями заказали еду навынос, и сегодня моя очередь забирать. Можно было бы доставку оформить, но погода хорошая, и я решил прогуляться. Ну, изначально я собирался поехать на машине, но мой джип в последнее время издает тревожное клацанье. Он и в Иствуде-то был на последнем издыхании, но в какой-то момент, пока я два часа добирался до Гастингса, видимо, решил, что скорость увеличивать ему тоже не нравится, – как раз когда я переключил передачу. Богом клянусь, если коробка передач сдохнет, я буду в ярости. Прямо сейчас я никак не могу позволить себе ремонт.

Джиджи просит у девушки-подростка, стоящей за стойкой, бутылку кетчупа. Пока она ждет, снова смотрит на меня.

– Слышала, на тренировках все идет не слишком хорошо.

Я ухмыляюсь:

– Как по мне, все отлично. Я стал одним из капитанов.

– Одним из капитанов команды, в которой царит полный бардак. Впечатляет, – мило улыбается она.

– Держи, дорогая, – девушка за стойкой возвращается и протягивает Джиджи стеклянную бутылку кетчупа.

– Спасибо! – Она снова поглядывает на меня. – С тобой, как всегда, приятно поболтать, король выпускного.

– Взаимно, Жизель.

Джиджи неторопливо возвращается к своему столику, и я волей-неволей скольжу взглядом по ее фигурке. На ней джинсовые шорты, плотно облегающие круглую упругую попку. Ткань потертая, на ней видны бело-голубые нитки, щекочущие ее крепкие подтянутые бедра. Она невысокого роста, где-то метр пятьдесят, но в этих крошечных шортиках ноги ее кажутся бесконечными... и очень мускулистыми, стройными – доказательство всех ее тренировок. Она такая сексуальная как раз потому, что играет в хоккей. Когда женщина увлекается спортом, это очень заводит.

Однако искра желания мгновенно затухает, едва я замечаю, с кем Джиджи сидит. Я до сих пор не знаю всех игроков «Брайара» по имени, но хороших запоминаю. Уилл Ларсен – один из них. И, полагаю, далеко не такой говнюк, как его сокомандники.

– Заказ для Райдера! – кричит мужчина в белом переднике. В руках у него два пакета с едой.

Я благодарю его, забираю сумки и выхожу из ресторана. Как раз в дверях чувствую, как в заднем кармане шортов вибрирует телефон. Кто-то звонит. Достая его и вижу незнакомый номер, а потому отправляю звонок на голосовую почту.

Домой я иду по Мейн-стрит, мимо старомодных ухоженных парков. Гастингс несравнимо лучше Иствуда. Раньше я жил в промышленном городе с кучей торговых центров и полным отсутствием достопримечательностей. А вот Гастингс ужасно напоминает городок с винтажной открытки. Вдоль улиц выстроились столбы с газовыми фонарями и старые деревья, на Мейн-стрит поднимаешь голову и видишь огоньки и рекламные баннеры – афишу летнего джазового фестиваля, который только недавно закончился. Витрины магазинов блестящие и чистые, центральную часть улицы занимает множество магазинчиков и бутиков, кофеен; есть несколько баров и ресторанов.

Срезаю дорогу по тропинке, петляющей мимо деревянной беседки, потом выхожу из парка на тротуар. Тот, кто мне звонил, судя по всему, оставил сообщение на голосовой почте, так что я ввожу пароль, чтобы разблокировать телефон, – надо бы послушать.

«Здравствуйте. Это сообщение для Люка Райдера. Вам звонит Питер Грин из офиса окружного прокурора Марикопы насчет слушания об условно-досрочном освобождении вашего отца. Пожалуйста, перезвоните мне, как только сможете...»

Я удаляю сообщение еще до того, как он заканчивает диктовать свой номер телефона.

Пошло оно все.

Ускорив шаг, обгоняю женщину с коляской. Она искоса поглядывает на меня и тут же опускает голову. На мне шорты-карго и футболка, угрожающего впечатления я вообще не произвожу. Видимо, испугалась, услышав про *условно-досрочное*.

Добравшись до дома, я обнаруживаю, что Шейн до сих пор там же, где был, когда я уходил. Стрижет газон. Без рубашки. На крыльце дома напротив собралась куча девчонок. Они делают вид, что просто болтают, но взгляды их прикованы к блестящим от пота мускулам Шейна. Готов поставить все свои деньги, заработанные летом на стройке, что одна из этих девчонок сегодня вечером окажется у нас. Или они все, если Беккетт тоже решит высунуться на улицу. Иногда жить под одной крышей с Беккеттом становится несколько шумно. Трудно спать, когда в соседней комнате постоянно грохочет о стену спинка кровати. Шейн со своими пассивами ведет себя потише, но у него они тоже бывают, а теперь, когда нет девушки, – все чаще.

– Отлично, я умираю с голоду. – Шейн выключает газонокосилку и направляется ко мне.

Мы заходим в дом, оставив его фан-клуб снаружи. Беккетт, оказывается, загружает в кухне посудомоечную машину. Шейн хватает из шкафчика тарелки, пока я открываю пакеты с едой.

– Я тут пригласил в гости кое-кого из соседей, – начинает Беккетт.

Мне приходится подавить смешок. Ну конечно. Безумием было думать, что он еще *не успел* склеить тех девчонок, что живут через улицу.

Вечером у нас на пороге объявляются три девушки – как выясняется, студентки медицинского, будущие медсестры, и Беккетт тут же начинает сыпать несмешными шутками о врачах и их ассистентках. Тем не менее цыпочки глотают наживку как миленькие, потому что Бек умудряется оказывать на женщин какой-то магический эффект.

Правда, одна из них явно положила глаз на меня. Ее зовут Каррма – с двумя «р», о чем она сразу нам сообщает. Она высокая и хорошенькая, с черными кудрями до плеч и неприкрытым голодом в темных глазах. Едва войдя в дом, она практически вешается на меня, открыто флиртует и пытается очаровать. Сначала мне все это как-то безразлично, я просто поддакиваю, но, пропустив два пива, понимаю, что даже не против ее намеков.

Когда она склоняется ближе и шепчет мне на ухо: «Не хочешь подняться наверх?», приходится признать, что предложение очень соблазнительное.

В последний раз я спал с девчонкой месяц назад, когда навещал Беккетта в Индианаполисе в выходные. Мы прошлись по барам, и в итоге домой я отправился с барменшей: ей было уже к тридцати, и выглядела она очень привлекательной. Веселая выдалась ночь.

Зато потом за месяц мне пришлось искать нам дом в Гастингсе, работать на стройке по двенадцать часов, а теперь еще и посещать жуткий тренировочный лагерь. Просто катастрофа.

Тепло и ласка моему члену явно не мешают.

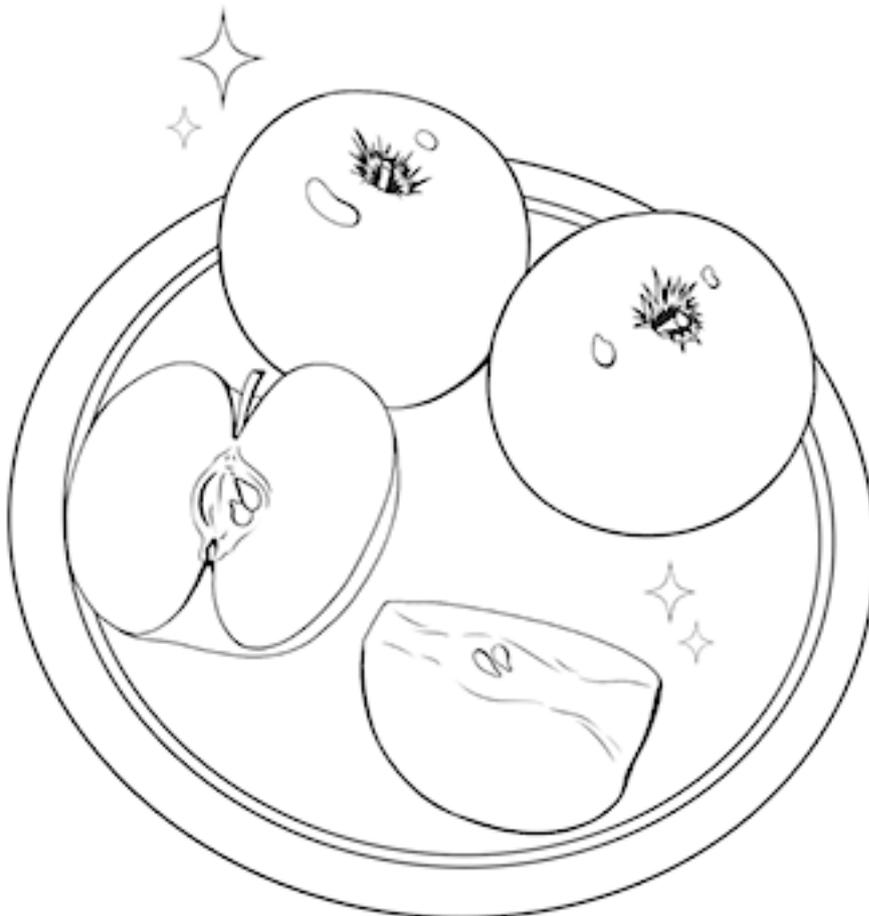
Так что я оставляю пиво на кухонной стойке и пожимаю плечами.

– Почему бы и нет.

Глава шестая

Райдер

Что, даже не поцелуешь на прощание?

Я проспал сигнал будильника.

Вот же черт.

С кровати я вскакиваю как ракета, прихватив с собой покрывало. Каррма шепчет что-то во сне, ощущая потерю тепла. Теперь ее голые ноги и розовые трусики оказались на виду, и она поджимает колени в поисках комфорта.

Обычно я ни с кем не остаюсь до утра, особенно во время сезона, но вчера мы оба очень устали, и мне было как-то не по себе от того, что придется ее выгнать. Я четко дал понять, что в шесть встаю, но Каррма только плечами пожала. Попросила не будить ее, если я встану раньше, – просто запереть дверь, а она выйдет через черный ход.

Несусь в ванную, гадая, как вообще умудрился не услышать будильник. С самого перехода в «Брайар» я ставлю будильник на шесть, чтобы на каток выйти к семи. Я всегда прихожу заранее – попрактиковаться, даже если на самом деле тренировка начинается только в девять. Мы с Каррмой даже спать легли не так поздно, около полуночи.

До чего я на себя зол. До кампуса пятнадцать минут езды на машине, я даже позавтракать не успею, черт побери.

Почему остальные меня не разбудили? Обычно они уходят где-то в восемь. Они же видели, что мой джип все еще у дома.

Яростно чищу зубы, а второй рукой листаю список контактов – надо позвонить Шейну.

– Приветик, – откликается он. – Ты где?

– Дома. Почему вы меня не разбудили?

– Не знаю. Подумали, что ты денек отдохнешь от своего перфекционизма и явишься на тренировку в нормальное время, как нормальный человек.

Ха. То, что он называет перфекционизмом, я называю настоящим хоккеем.

– Я будильник проспал, но уже еду. Ты не принесешь мне кофе в раздевалку, чтобы я наскоро глотнул, пока одеваюсь?

– Для тебя, пупсик, все что угодно.

Я возвращаюсь в свою комнату и тихо одеваюсь, а Каррма все спит. Она снова забралась под покрывало и укуталась по самые уши.

Раз уж она попросила ее не будить, оставляю ее в спальне и спускаю по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Запираю переднюю дверь и запрыгиваю за руль.

А потом я поворачиваю ключ в замке зажигания, и машина не заводится. Матерь божья.

Что за черт! Только не сейчас.

Только этого мне не хватало!

Трачу пять минут драгоценного времени, пытаюсь завести мотор –дохлый номер. Выругавшись так, что даже самые отъявленные сквернословы пришли бы в ужас, возвращаюсь в спальню. Хватит Каррме изображать спящую красавицу.

– Эй, – трясую ее за плечо. – У тебя машина есть?

Она сонно моргает.

– Да... а что?

Меня заглаживает облегчение. Слава богу.

– Отвези меня на тренировку. Пожалуйста.

– Но еще так рано.

– Нет, уже поздно. Я должен был добраться к семи, но проспал будильник.

– Я его переставила, – не очень уверенно возражает она.

Я застываю на месте.

– Что?!

– Я переставила будильник у тебя на телефоне. Ты сказал, что тренировка в девять, не знаю, зачем ставить будильник на шесть...

– Потому что я езжу к семи, – срываюсь я, практически дрожа от ярости. – Поверить не могу, что ты переставила гребаный будильник.

И тут, чтобы точно мало не показалось, у меня начинает орать будильник. Идеально.

Она переставила эту чертову штуковина на восемь тридцать.

– *Восемь тридцать?* – ору я. – Ты что, на хрен, шутишь, что ли? Туда только ехать пятнадцать минут. Как я успею переодеться и выйти на лет в девять, если... – замолкаю.

Гребаный ад. Нет смысла спорить. Я протяжно выдыхаю и пытаюсь успокоиться.

– У меня не заводится машина, – спокойно объясняю я ей. – Меня надо подвезти. Так я бы поехал с ребятами, но они уже ушли.

– Пожалуйста, не сердись на меня, – теперь она определенно проснулась и вскакивает с кровати. – Я не думала, что это так важно.

До чего трудно не сорваться на нее. Кто остается на ночь в доме парня, с которым случайно замутила накануне, а потом переставляет ему будильник? Я чувствую, что вот-вот снова взорвусь, а потому игнорирую ее, пока она одевается, и снова звоню Шейну.

– Слушай, – торопливо объясняю я ему. – Я опоздаю. Постарайся прикрыть меня перед Дженсенем, если сможешь. Скажи ему, что у меня машина сломалась.

– Я тебе говорил, что этот джип тебя однажды подведет.

Да, конечно, именно джип меня и подвел.

Ни разу в своей жизни я не опаздывал на тренировку. И, хотя я ненавижу зависеть от других, судя по приложениям на телефоне, ни одного доступного водителя поблизости нет, так что придется ехать с Каррмой. К счастью, я неплохо ее встряхнул, так что мы выскакиваем из дома и бегом несемся через улицу. Меньше чем через пять минут мы уже у ее машины.

Каррма отпирает маленький красный хетчбэк.

– Ладно, босс, забирайся.

При этом она дразняще улыбается, и гнев во мне вспыхивает с новой силой.

Я ныряю в машину и указываю на двухполосную дорогу по направлению к кампусу Брай-ара, а через несколько минут начинаю чесаться от нетерпения. Она превышает скорость на пять миль, так что умом я понимаю, что не могу просить ее ехать быстрее. Она и так нарушает. Но, черт возьми, на ее месте я бы рискнул получить штраф в сотню баксов, лишь бы успеть вовремя.

Барабаню пальцами по средней консоли, представляя, как жму ногой на газ, но на деле всю дорогу до кампуса я просто с ума схожу. Каррма пытается поддерживать разговор, но я ее старательно игнорирую – меня пугает то, что я могу ей сказать.

Без пяти девять мы въезжаем на парковку Центра Грэхема. Нет ни единого шанса, что я успею переодеться и выйти на лед до того, как раздастся свисток тренера. Это точно. Надеюсь, его удовлетворит оправдание, что у меня сломалась машина, но Дженсен серьезно изводит нас с самого начала лагеря и уже готов вот-вот выгнать кого-нибудь из команды. Вполне возможно, за опоздание он решит и меня исключить – это в его глазах просто преступление.

Каррма заезжает на парковку, а я уже расстегиваю ремень безопасности и хватаюсь за ручку двери.

– Что, даже не поцелуешь на прощание?

Я слишком раздражен, чтобы даже смотреть на нее.

– Мне пора.

– Seriously? Мы провели вместе ночь, а теперь у тебя нет двух секунд поцеловать меня на прощание?

Я покорно склоняюсь для поцелуя – просто чтобы не задерживаться еще больше. К моему колоссальному раздражению, короткого прикосновения губ ей недостаточно. Уже в следующее мгновение она перебирается на пассажирское сиденье, ко мне на колени, обвивает руками мою шею и пытается засунуть язык мне в рот.

– Каррма, – предостерегаю я и крепко хватаю ее за талию, чтобы скинуть с себя.

Она в ответ принимается целовать меня в шею, и во мне закипает злость. Речь идет о моей карьере! Дженсен следит за мной. Команда, которая хочет заполучить меня для НХЛ, следит за мной. Если я хочу играть в профессиональном спорте и преуспеть, нельзя обжиматься с какой-то там девчонкой, пока сокомандники разогреваются перед тренировкой.

– Спасибо, что подвезла, – сухо бросаю я. – А теперь двигайся.

Ладно, вышло грубо.

Но мое терпение лопнуло, как дешевая резинка для тросов. Сначала она мне будильник переставляет, а теперь не дает выбраться из машины?

С меня хватит.

Мне удается открыть дверь и выбраться из-под нее. Выскакиваю наружу и бросаюсь к дверям, но в этот самый момент мне удается заметить на периферии какое-то движение. На мгновение мне кажется, что это Каррма выбирается из машины, а потом у меня кровь застывает в жилах, потому что я точно знаю, что за человек нажимает на кнопку блокировки, закрывая черный «Рендж-Ровер» через два места от меня.

Это Гаррет Грэхем.

На мгновение я не могу вымолвить ни слова, не могу сделать ни шага. Я просто стою и смотрю, как легенда хоккея направляется ко мне с кружкой-непроливайкой в руке. Я не видел его с того самого хоккейного лагеря, куда меня пригласили еще подростком.

Он оглядывается на красный хетчбэк, за рулем которого сидит Каррма, потом переводит взгляд на меня и хмурится. Нет никаких сомнений: он видел, как она сидела у меня на коленях.

Черт.

Черт, черт, *черт*.

Что ж, денек хуже некуда.

– Утренняя тренировка начинается в девять, разве нет, мистер Райдер?

А судя по всему, есть куда хуже.

– Знаю. Я опаздываю. Проблемы с машиной. – Я едва успеваю договорить, как сам морщусь. Ну и предлог.

– Да, кажется, серьезные проблемы, – едко замечает Гаррет. Хмуриться он так и не перестал.

Он подстраивается под мой темп, и мы вместе идем к входу.

– У меня машина не завелась, – объясняю я, отчаянно пытаюсь завоевать его одобрение. – Так что утром пришлось искать, кто бы меня подвез. А мой водитель не понимал, насколько важно успеть сюда вовремя.

– Ну, это ведь не ее ответственность, верно? – Он изгибает бровь и отчаливает по направлению к входу.

Я сдаюсь.

Пока несусь по коридору, гадаю, что вообще здесь забыл Грэхем. Может, хочет с дочкой повидаться.

Пустая раздевалка хуже всяких обвинений. Как пощечина. Я переодеваюсь, натягиваю тренировочную форму и защитное снаряжение, и меня передергивает от ненависти к самому себе. Все остальные на катке, где и должны быть. А я тут, как чертов идиот. И все потому, что вчера вечером мне захотелось покувыркаться в постели. У меня и так мишень на спине. В меня целит и Дженсен, и Колсон со своими парнями, и НХЛ. А теперь мой кумир считает, что я не могу вовремя на тренировку приехать.

Моя жизнь – катастрофа.

Телефон оставляю на полке в шкафчике (у них тут даже полки из красного дерева) и сажусь на скамейку зашнуровать коньки. Минуту спустя я в чехлах марширую по резиновой дорожке и выхожу на лед, с облегчением обнаружив, что тренировка даже не началась.

Какое счастье. Слава богу. Парни все еще разогреваются, а тренер Дженсен стоит у скамеек и разговаривает с Грэхемом, который потягивает что-то из своей кружки.

Гаррет Грэхем меня спас. Если бы он не отвлек тренера, меня бы, наверное, домой отправили.

Ко мне тут же подъезжает Шейн.

– Ты как, нормально?

Хоть он и бывает придурком, еще он хороший друг.

– Да, – вздыхаю. – Каррма отключила мой будильник.

Он кривится.

– Что ж, судя по всему, добрососедским отношениям конец.

Я против воли ухмыляюсь. Тут он явно прав.

– Чувак, что за черт? – подъезжает к нам Хьюго Карлсон, защитник со старшего курса.

Он тоже кажется встревоженным. – Все в порядке?

Мне так и хочется крикнуть Грэхему: *видите?* Все эти парни меня знают. Я никогда не опаздываю. Раз они так обеспокоены, значит, случай необычный.

Хотя кого я пытаюсь обмануть? Редко такое бывает или нет, я все равно облажался. Пропылым вечером привел девицу в свою комнату. Позволил ей спать в своей постели, хотя знал, что мне рано вставать. Думал членом. Такое со мной, честно говоря, нечасто случается. Не поймите неправильно: секс у меня бывает. Мне нравится трахаться. Но я не из тех, кто позволяет случайному перепихону перерасти в проблему.

Мы с Шейном нарезаем несколько кругов. Я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. В какой-то момент рядом появляется Беккетт.

– Что случилось?

– Каррма, – откликаюсь я.

– Карма всегда настигнет, приятель.

– С шутками у тебя и в обычно время не очень, а сегодня утром – особенно.

Он в ответ только усмехается и укатывается прочь.

Мой взгляд скользит обратно к скамьям, и я замечаю Колсона, который теперь тоже стоит там и посмеивается над словами Грэхема.

– Смотри-ка, прямо лучшие друзья, – бормочу я Шейну.

Шейн склоняется ко мне и понижает голос.

– Я слышал разговор Колсона и Трагера в раздевалке. Оказывается, Колсон раньше встречался с дочерью Грэхема.

Пытаюсь скрыть свое внимание, но дела и правда интересные. Как же Колсон умудрился облажаться?

Впрочем, хотя между ними все кончено, Кейс явно остается на хорошем счету у ее отца.

В отличие от меня.

Холодный воздух пронзает резкий свисток.

– Построились вокруг меня, – велит тренер.

Сложно не заметить, что во время построения все то и дело поглядывают на Грэхема. Этот мужик – настоящая суперзвезда. Лучший игрок за всю историю «Брайара», а это о многом говорит, потому что из «Брайара» вышло немало других легенд. Джон Логан. Хантер Дэвенпорт. Только в прошлом году профессиональные команды набрали с этого самого катка восемь человек. Восемь. В Брайаре элитная хоккейная программа, лучшие из лучших.

– Уверен, этот человек не нуждается в представлении, но, если что, его зовут Гаррет Грэхем. Сегодня он будет помогать мне вести тренировку.

По группе прокатывается волна восторженных шепотков.

– Да вы, на хрен, шутите! – выпаливает Патрик Армстронг и тут же получает за это убийственный взгляд тренера. – Ой, простите, – поспешно добавляет он. – Я хотел сказать: да вы шутите! Никаких неприличных выражений.

– С каких пор меня волнуют ваши гребаные выражения? – откликается тренер. – Меня волнует, что ты меня перебил. Заткнись. – Он тычет в Патрика пальцем, и тот мгновенно замолкает.

– Уверяю вас, он приехал сюда не просто в качестве выпускника, которому надо убить время и воскресить в памяти славные деньки прошлого, – продолжает тренер. – Сам им расскажешь, зачем ты здесь?

Грэхем делает шаг вперед.

– Привет, рад всех вас видеть. Не уверен, знает ли кто-нибудь из вас о моем фонде, но мы работаем со множеством благотворительных организаций, собирая средства на самые разные цели. А еще у нас есть несколько хоккейных лагерей для молодежи, в том числе тот, который я возглавляю вместе с Джейком Коннелли.

Снова восторженное бормотание. Коннелли тоже легенда. Не из Брайара, правда, но все же.

– Около трех лет назад мы открыли молодежный лагерь «Короли хоккея». Проходит он ежегодно, в августе, и длится одну неделю. И каждый год мы выбираем двух игроков из НССА¹⁷, чтобы они помогли нам с тренерской работой в этом лагере.

Я слышу об этом впервые. Но сразу понимаю почему, когда он продолжает.

– Я всегда выбираю кого-нибудь из Брайара, а Коннелли – из Гарварда, – тут Гаррет делает вид, что его тошнит. Ужасный у него вкус.

Кое-кто из парней фыркает.

– В этом сезоне я буду присматриваться к вам – знаете, чтобы оценить вас и решить, кто, на мой взгляд, сможет успешно стать одним из наших тренеров. В прошлом году нам помогал Кейс.

Замечаю, как Шейн закатывает глаза.

Повезло Колсону. Видимо, вот что происходит, когда трахаешь дочку Грэхема.

– За год до него был Дэвид, – Грэхем кивает в сторону Демейна. – А еще я никогда не выбираю одного и того же дважды, так что вы двое, простите. В этом году удачи вам не видать. Что до остальных, тут все честно. Сегодня занимайтесь своими делами, тренируйтесь как обычно, а если кто заинтересуется моим предложением, сообщите об этом тренеру.

Уверен, запишется каждый из присутствующих, кроме Колсона и Демейна. Даже богатеи, которые летом отправляются в шикарные отпуска со своими родителями, явно на недельку вернутся ради такого случая. Речь ведь идет об управлении лагерем вместе с двумя величайшими игроками всех времен. Любой, кто серьезно настроен на хоккей, захочет там оказаться – включая меня.

По личному опыту знаю, каково учиться непосредственно у Гаррета Грэхема. За ту неделю шесть лет назад мы провели один на один не так много времени, разве что парочку индивидуальных занятий, но за эти пять дней я научился у него большему, чем за все годы игры в хоккей, вместе взятые. У Грэхема безусловные, практически сверхъестественные инстинкты во всем, что касается этого вида спорта.

– Ладно, хватит болтать, – хлопает в ладоши Дженсен. – Сегодня будем тренировать угловой маневр трое на трое. Хочу посмотреть, как вы бьетесь за шайбу. Тренироваться будем одновременно в обоих концах катка. С одной стороны встанет Гаррет, с другой – я. Грэхем, выбирай, кто с тобой.

Гаррет изучает стоящих перед ним; нас человек тридцать или около того.

– Я возьму Ларсена, Колсона и Данна. Против Трагера, Коффи и Поупа.

Сердце у меня падает. Вот оно как, да?

Дженсен берет меня в свою группу – полагаю, это уже кое-что. Пока все торопятся занять свои места, я приближаюсь к Гаррету.

– Слушайте, – осторожно начинаю я, хотя мне ужасно неловко. – Я просто хотел сказать, что тренироваться при вашем участии – большая честь. Обучение у мастера вашего уровня для нас всех – бесценный опыт.

Отлично. С тем же успехом я мог бы сдернуть с него штаны и расцеловать его в задницу – впрочем, в некотором смысле я именно это и сделал.

Судя по его полуулыбке, он точно знает, что я делаю.

– Если ты думаешь, что благодаря парочке комплиментов я забуду то, что увидел на парковке, то не надейся. Понадобится намного больше.

– Я знаю. Просто... просто хочу, чтобы вы знали, что я не такой человек. Я никогда не опаздываю. Ну, видимо, теперь уже не совсем «никогда», но сегодня такое случилось впервые. И, надеюсь, вы сможете со временем закрыть глаза на утренний прокол, потому что я отлично

¹⁷ Национальная студенческая спортивная ассоциация.

играю и действительно хотел бы попасть в число кандидатов, рассматриваемых на предложенное место.

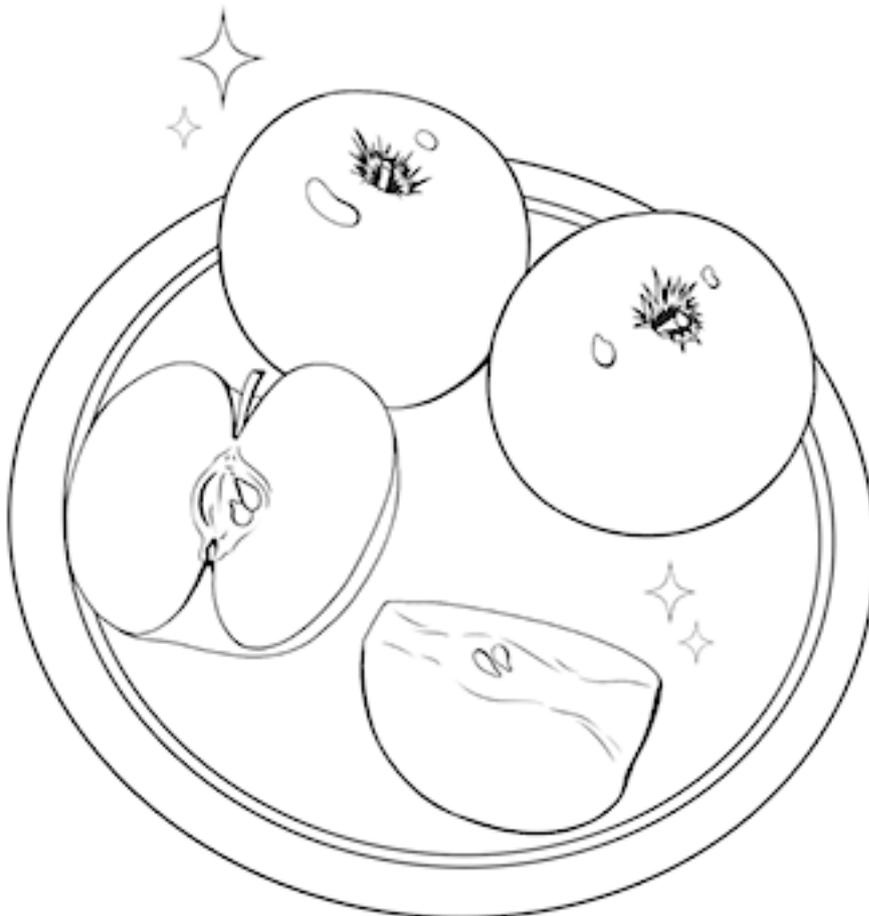
Он окидывает меня долгим взглядом, от которого становится прямо-таки не по себе, и наконец выдает:

– Я принимаю решение, отталкиваясь не только от того, кто здесь отлично играет, парень. Дело не только в статистике. Дело в лидерстве. И, судя по тому, что я пока видел, у тебя большие пробелы на этом фронте.

Глава седьмая

Райдер

Пошли законы физики к черту – и ты тоже

– Не бывает путешествий во времени без ограничений. Должны же быть правила. Ведь в конечном счете парадокс дедушки никому не решить, – уверяет Беккетт с другого конца дивана. – Не решить, и все.

Шейн переводит взгляд с телевизора на Бека.

– Это когда отправляешься в прошлое трахнуть собственного деда?

– Нет, тупица, когда убиваешь его. А значит, твой отец не родится, а ты никогда не будешь зачат. А раз ты никогда не рождался, то как можешь стоять над трупом деда? Нельзя существовать и не существовать одновременно. Это парадокс. Так что правила нужны, чтобы увязать...

– Чувак. Взгляни в лицо фактам. Путешествий во времени не существует. Законы физики не позволяют.

– Пошли законы физики к черту – и ты тоже. – Беккетт, заговорив на эту тему, вечно увлекается. – Райдер, хоть ты меня поддержи.

– А? – Поднимаю голову и замечаю, что Шейн на меня смотрит. Я морщусь. – О чем вы теперь болтаете?

– Что за муха тебя сегодня укусила? – Бека мое состояние, судя по всему, забавляет. – Ты киснешь уже час, наверное.

– Дуешься из-за Гаррета Грэхема? – смеется Шейн.

– Да, – бормочу я. – Потому что я облажался.

Прошел целый день с тех пор, как Грэхем заявился к нам на тренировку и, фигурально выражаясь, мне всыпал, и я до сих пор не могу об этом забыть. Место тренера в хоккейном лагере дает бесценный опыт. Будь у меня такой шанс, я являлся бы каждый день ни свет ни заря и как губка впитывал каждую каплю знаний, которую могут дать эти две легенды.

– Ты не облажался, – заверяет меня Беккетт.

– Он сказал, что мне не хватает лидерских качеств. То есть практически заявил, что для своего лагеря меня не выберет. Следовательно, я облажался.

И все из-за девчонки.

Видите? Вот почему я ни с кем не встречаюсь.

Ладно, справедливости ради, дело не только в этом. Все эти годы у меня не было цели специально избегать любых отношений из страха, что однажды женщина, с которой я переспал безо всяких обязательств, намеренно отключит мой будильник, когда я засну, чтобы мы могли поспать подольше, а мой кумир в мире хоккея застанет нас целующимися в машине, как раз когда я опаздываю на тренировку...

– Тебя выбрали одним из капитанов, за тебя проголосовали, – указывает Шейн, прерывая безумный поток моих мыслей. – Если ему нужны лидерские качества, сказать, что у тебя их нет, не получится.

– Я один из двух капитанов в команде, где одна половина игроков ненавидит другую. И, надо заметить, отлично справляюсь со своей работой, – огрызаюсь я. На утренней тренировке Рэнд и Трагер снова чуть не вцепились друг другу в глотку.

– У тебя телефон разрывается, – сообщает Беккетт, мельком взглянув на журнальный столик, где наши телефоны валяются вперемешку с их с Шейном пивными бутылками.

– Знаю. Это Каррма. Она весь день мне пишет, чтобы извиниться, – в ответ я отправил одно сообщение, сказал, что вчера вечером хорошо провел время, но после сегодняшнего утра мне стало ясно, что графики у нас не совпадают, а мне хотелось бы сосредоточиться на хоккее. Спасибо, до свидания. Она, судя по всему, решила, что, если продолжит извиняться, мое отношение как-то изменится.

Шейн знающе ухмыляется.

– Ни единого шанса на повтор, да?

Клянусь, иногда этот парень просто мысли мои читает. Впрочем, тут он исходит из здравого смысла. Нельзя сбивать хоккеисту график. Точка.

Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как опять во мне разгорается раздражение.

– Видишь, приятель, вот почему моя теория о путешествиях во времени лучше, – встречает Беккетт. – Согласно моей модели, ты бы вернулся в прошлое и велел себе не подниматься с ней наверх. Как я всегда говорю, карма закрывает дверь, а судьба распаивает окно.

– Да хватит уже, – умоляет Шейн. – У нее даже имя по-другому пишется.

– Правописание переоценивают. Так вот, если допустить, что время и пространство линейны...

Шейн тыкает в него пальцем.

– Еще одно слово на эту тему, и я в прямом смысле опрокину пиво тебе на голову.

– Дружище, с тобой никакого веселья.

Шейн поворачивается ко мне.

– Кстати, я тут понял, что решение твоей проблемы с Гарретом Грэхемом прямо перед тобой.

Хоть одна хорошая новость.

– Да?

Он широко и довольно улыбается.

– Джиджи Грэхем.

Я свожу брови, не понимая, к чему он ведет.

– И что с ней?

– Приятель, дочка этого человека *учится с тобой в колледже*. Ты без проблем можешь наладить контакт. Поговори с ней.

– И что я скажу?

Друг пожимает плечами.

– Попроси замолвить за тебя словечко.

– Ну, это вряд ли.

Шейн тут же подозрительно сощуривается.

– Почему? Что ты ей сделал?

Беккетт в ответ фыркает в свое пиво.

– Да ничего я не сделал.

– Тогда просто будь собой.

Теперь Бек уже открыто хохочет.

– Как скажешь. – Я встаю с дивана. – Буду наверху.

Оставляю их в гостиной и поднимаюсь к себе, где тут же бросаюсь на кровать и хватаю ноутбук.

Как и вчера, после возвращения домой с катка, я ищу более подробную информацию о молодежном лагере Грэхема и Коннелли. Вот только эту тему я уже успел полностью изучить, так что пришло время другого поискового запроса. Благодаря Шейну теперь у меня в голове засела идея с Джиджи.

Мне удается наскрести кое-какую информацию о ее главных достижениях, но информации мало и она чрезвычайно разрозненная. Студенческий хоккей куда меньше освещают по телевидению, чем НХЛ, а уж найти хоть что-то о *женском* студенческом хоккее практически невозможно. Получается отыскать видео одной игры с прошлого сезона, матча в плей-офф между Брайаром и Йелем. Его полностью показывали по одному из местных спортивных телеканалов, и, к счастью, кто-то додумался загрузить его в Сеть.

В какой-то момент в кадре появляется Джиджи, сидящая на скамейке. Наблюдая, как ее сокомандницы успешно отбиваются в меньшинстве, она всем телом подается вперед, и в серых глазах пылает такой огонь, что чувствуется даже через экран. У меня закипает кровь. Не могу удержаться, начинаю гадать, какова она в постели. Такая же огненная или нет.

В ней есть какая-то яростная сексуальность. Есть что-то манящее в том, что она выбрала тот вид спорта, где нужна максимальная физическая сила. Силовые приемы в женском хоккее запрещены, но это не отменяет того, что для такого спорта нужна мощь. Кроме того, в итоге все сводится к битве мозгов. Все дело в тактике. Я думаю о том, как нейтрализовать оппонента, не контактируя с ним, как сделать так, чтобы он потерял шайбу, и соображаю, как надлежащим образом изменить собственную манеру игры.

Это совершенно особая игра, даже если отбросить в сторону ее суровость и тот факт, что игроков периодически швыряют о бортик катка. И Джиджи хорошо играет. Техника у нее потрясающая. В ее движениях ощущается грация. А клюшкой она владеет просто божественно.

К третьему периоду «Брайар» опережает соперников на три гола, и для линии Джиджи задача на этот вечер выполнена. Камера показывает скамейку «Брайара». Она сняла шлем, темные волосы, собранные в хвост, стали влажными от пота. Не подозревая, что ее снимают, она стягивает резинку, цепляет ее на запястье, и волосы длинными свободными волнами падают на плечи.

И тут я понимаю, что у меня встал.

К счастью, раздается стук в дверь, а то я бы впервые в жизни занялся дрочкой под игру женской хоккейной команды.

– Приветик! – Шейн проскальзывает в комнату, не дождавшись разрешения войти. Я закрываю ноутбук и убираю его в сторону.

– Что?

– Сегодня вечером у женской команды товарищеский матч. «Брайар» против «Провиденса»¹⁸. Играют в Ньютоне.

Он называет площадку примерно в часе езды от нас, к западу от делового центра Бостона.

– И?

– И ты должен туда поехать.

– Зачем?

– Чтобы поговорить с Джиджи Грэшем, приятель.

Не успеваю я возразить, как он кидает мне ключи.

Ловлю я их чисто машинально, умудряясь избежать царапины от брелка в форме единорога, который в апреле подарила Шейну на день рождения младшая сестренка. Он во всем потворствует малышке. Просто очаровательно. Разумеется, это не помешало Беккетту купить летом розового плюшевого единорога и оставить на подушке Шейна в тот самый вечер, когда тот собирался привести домой девчонку.

– Я даже разрешаю тебе взять мой «мерседес».

– Мне не нужен твой «мерседес», богатенький Ричи, это проявление жалости.

– Отлично. Тогда вызовем эвакуатор, и твой джип будут тянуть от гаража до нужного места, а ты сядешь за руль и будешь его понарошку крутить.

– Иди ты.

Вообще вся эта ситуация с джипом *действительно* проблематична. Этим утром мне написал механик, сообщив, что надо менять коробку передач. Понятия не имею, где наскреести денег на такие расходы. У меня нет богатых родителей, оплачивающих все мои счета, как у Шейна, и я ненавижу запускать руку в свои жалкие накопления. У друзей занимать я тоже ненавижу.

Впрочем, думаю, позаимствовать машину на вечер можно – не буду притворяться, что я выше этого.

Шейн, глядя, как я прикарманиваю его ключи, начинает хохотать.

– Не забывай ей льстить. Можно даже встать на колени, – напутствует он. – Девчонки любят, когда парень встает на колени.

Мне остается только закатить глаза.

– Я туда еду не куни ей делать.

– А может, стоило бы. Она горячая штучка.

Он, конечно, не ошибается, но раз уж мне предстоит проделать такой путь ради встречи с Джиджи, то не ради секса.

Посмеиваясь, Шейн хлопает меня по плечу и провожает до двери.

– Давай, покажи ей, чемпион.

¹⁸ Католический колледж в Род-Айленде, регион Новая Англия.

Глава восьмая

Джиджи

Давай словами

Буквально через три секунды после вбрасывания шайбы я осознаю, что команда колледжа Провиденс явилась сюда нас угробить.

Предполагалось, что матч будет товарищеским. Да, мы играем на обычных условиях. Мы в полном снаряжении, играем теми же составами, что и во время сезона. Вот только существует негласное правило: не выкладываться на таких «показательных выступлениях» на сто процентов. Зачем рисковать травмой ради игры, которая нигде не засчитывается? Достаточно устроить яркое шоу для зрителей. Деньги, вырученные за билеты, пойдут в благотворительный фонд, спонсирующий лечение рака у детей, и в перерывах детишек, чьи родители купили билеты на самые дорогие места, вывозят на маленьких санках на лед. Все должно быть мило и весело.

Вместо этого я буквально вынуждена вести борьбу за жизнь.

Девушки из «Провиденса» сразу начинают давить. Мимо синей линии они проносятся как гиены. Шеннон, наш вратарь, уже дохляк. Ну то есть она, конечно, еще жива, но уже ранена, и противники чувствуют кровь. Они как заведенные швыряют в ее сторону шайбу, пока наши защитники носятся туда-сюда, пытаюсь ее освободить.

Наконец моим сокомандницам удастся выйти из нашей зоны, но их тут же штрафуют за проброс¹⁹. Черт. Теперь вбрасывать шайбу будут слева от нашей сетки.

Прошло всего пять минут первого периода, а я вспотела так, будто вышла из сауны при спортзале.

Одна из соперниц ухмыляется мне и подначивает:

– Ну как, весело?

– Это, блин, благотворительная игра, Бетани, – ворчу я, подбираясь. – Остынь уже.

Она тихонько цокает языком, наблюдая, как судья занимает свое место.

– Ладно тебе, Грэхем. Всегда надо играть на максимуме, неважно, по какому случаю.

Чушь. Они что-то пытаются доказать, вот только никак не пойму что. У нас даже нет особого соперничества, какое было между «Иствудом» и «Брайаром». Сегодняшний вечер должен был стать веселым мероприятием для всех. А они все портят.

Когда Бетани выигрывает вбрасывание, толпа взрывается криками. Она резко пасует правому нападающему, и та мгновенно забивает гол.

Первое очко – в пользу «Провиденса».

Только вернувшись на скамейку, я наконец соображаю, что к чему, – будто головоломка складывается.

Ками смотрит на меня и яростно шепчет:

– Здесь тренеры сборной США.

Я замираю.

– Что? Серьезно?

– Да, Нила только что услышала, как об этом говорил один из судей.

Я уже было поворачиваюсь к Ниле, чтобы та подтвердила эту информацию, и только потом соображаю, что она там, на льду, бьется за свою жизнь. «Провиденс» нам спуску не дает.

Вместо этого я принимаюсь изучать трибуны в поисках Алана Мерфи, главного тренера сборной США. Бессмысленное занятие. В кино меня вечно раздражает, когда при огромной аудитории, среди тысяч человек на трибунах, герой или героиня умудряются заметить конкретного человека, и вся толпа вокруг будто растворяется, пока они неотрывно смотрят друг другу в глаза.

Вранье. Никого тут нельзя заметить. Сплошное море неразличимых лиц.

– Зачем они здесь? – Мне отчаянно нужен ответ.

– Не знаю. Может, связаны с благотворительной организацией?

Может быть. А может, присматривают себе игроков.

А мы так дерьмово играем. Вот черт.

У меня прямо пригорает от такого поворота. Эдли кричит, что у нас смена игроков, и я жду, пока мои сокомандницы доберутся до бортика, после чего вырываюсь на лед.

Не успевают мои коньки коснуться льда, как Уитни уже пасует мне шайбу. У «Провиденса» тоже замена. Момент для них ужасно неподходящий, потому что у меня появляется идеальная возможность вести игру. В хоккее не вовремя проведенная замена может сыграть решающую роль в матче, и это первая ошибка наших противников с начала игры.

Впрочем, у меня нет времени обдумывать их ошибки и те преимущества, которые можно из них извлечь. Я лечу к сетке на противоположном конце катка с такой скоростью, что в ушах свистит. Один из защитников пытается меня перехватить, но ничего не получается. Я обгоняю ее, потом обманным маневром обхожу второго защитника, замахваюсь и бью по шайбе.

Гол.

¹⁹ Нарушение правил в хоккее с шайбой, при котором игрок, находясь на своей половине площадки, бросает, ударяет или отбивает шайбу на половину поля соперника, и шайба пересекает линию ворот соперника, никого по пути не коснувшись.

Я слышу восторженный рев толпы. Громкий стук клюшек о бортики, одобрительные крики моих сокомандниц, эхом разлетающиеся по битком набитой арене. Мимо проносится Камила и хлопает меня по руке.

– *Так-то*, детка! – вопит она. У нас снова смена позиций, и в бой вступает вторая линия. Когда звучит сигнал, знаменующий окончание первого периода, у нас ничья – 1:1.

Второй период проходит так же напряженно, как и первый. Вся игра строится на защите, нападающих обеих команд быстро забивают. Я успеваю несколько раз оказаться среди игроков, столпившихся за сеткой «Провиденса», а положения хуже не придумаешь. Ростом я меньше большинства игроков, так что одержать верх за воротами мне крайне трудно. Я для этого недостаточно плечистая. Папа вечно посмеивается, что у меня слишком изящные плечи.

К счастью, я быстро двигаюсь, а потому обычно оперативно выбираюсь из такой «пробки». Вместо того чтобы сражаться в неудобной позиции, пасую Ками, но шайбу перехватывают. И теперь нам снова приходится догонять «Провиденс». Так проходит весь третий период. При колоссальном напряжении. На высоких скоростях.

«Провиденс» обходит нас – 2:1 – почти до конца матча, и только на последних сорока секундах Нила умудряется провести красивый маневр за воротами. В отличие от меня она в этом положении просто королева. Отвлекает вратаря, а потом умудряется провести шайбу прямо перед воротами и передать Уитни, которая в одно касание забивает гол.

Организаторы мероприятия шепчут тренеру Эдли, что им не хотелось бы завершать игру вничью, так что мы начинаем серию буллитов, чтобы определить победителя, и, разумеется, «Брайар» побеждает, потому что лучше меня не забивает никто. Никто.

Так мы выигрываем благотворительный матч – он же Матч Смерти.

Я со стоном вваливаюсь в раздевалку.

– Боже правый, какая нелепость.

Мои сокомандницы истощены не меньше моего.

– А я-то думала, что я в хорошей форме! – негодует Нила. – Я в межсезонье штангу поднимала, а сейчас у меня руки как желе! – Словно в подтверждение она поднимает их, а потом опускает. Руки у нее и правда как лапша.

Тренер влетает в раздевалку еще до того, как мы начинаем переодеваться.

– Вот это я понимаю – хоккей! – восклицает он, с восхищением оглядывая команду. Потом слегка кривится. – Правда, я не понимаю, что именно непонятного было во фразе «поберегите энергию для открытия сезона». – Это он про ту речь, которую произнес как раз перед началом игры.

– Вы же нас знаете, мы всегда рады растоптать соперника, – бодро заявляет Уитни.

Он вздыхает.

– Я так понимаю, вам кто-то сказал, что на трибунах Брэд Фэрли?

– Ага, – кивает она, и все начинают смеяться.

Все, кроме меня. У меня кровь застывает в жилах. Брэд Фэрли?

Меня скручивает тревога.

– А что случилось с Аланом Мерфи? – выпаливаю я.

– Он выбыл из игры. Начальство говорит, по состоянию здоровья. Они все держат в тайне, но, думаю, у него сердечный приступ был, а то и несколько.

– Ничего себе! А сейчас он как? – спрашивает Уитни.

– Думаю, еще в больнице, но больше мне ничего не известно. USA Hockey²⁰ назначили на его место Брэда Фэрли, их координатора нападения. Он хорош. И заслужил повышение. – Эдли поворачивается к двери. – Ладно, одевайтесь. Увидимся в автобусе.

²⁰ Национальная хоккейная организация США, признанная руководящим органом в области организованного хоккея с шайбой в Соединенных Штатах и членом Международной федерации хоккея с шайбой.

Девочки направляются в душ и снова начинают переговариваться. А вот я, смыв пот и усталость, ощущаю очередной прилив нервной энергии. Голову я не мою, просто завязываю влажные волосы в узел на макушке, одеваюсь и выскакиваю из раздевалки.

Мне надо найти Брэда Фэрли, но я не знаю точно, что ему сказать. Мы несколько лет не разговаривали. Наверное, можно было бы притвориться, что мне интересно, как дела у его дочери, Эммы, но он вполне может распознать притворство – все зависит от того, сколько она ему рассказала. Правда в том, что мне попросту наплевать, как там дела у Эммы Фэрли.

Тем не менее нельзя выпустить главного тренера сборной страны из здания, не попытавшись как минимум выяснить, что у него на уме. Я уже давно должна была получить хоть какие-то вести. Впрочем, нет, не так: я давно должна была получить хоть какие-то вести, *если* они подумывают взять меня в команду. У меня есть знакомая из Висконсина – ее уже пригласили тренироваться с командой, а значит, они, наверное, заканчивают отбор. Иначе и быть не может, скоро состоятся все крупные игры: в ноябре – Кубок четырех наций²¹, в феврале – принципиальный матч между США и Канадой. А в феврале следующего года состоится важнейшая игра. На Олимпиаде.

Господи. Как я хочу туда попасть.

Я мало чего прошу в жизни. Никогда не принадлежала к числу избалованных девчонок, которые просят папочку купить им пони, а потом требуют закатить грандиозную вечеринку по случаю шестнадцатилетия. Да, мы с Уайаттом в свой шестнадцатый день рождения наблюдали, как наш папа выигрывает седьмую игру в решающей серии плей-офф. И пусть его команда в тот год не взяла кубок, все равно было круто сидеть в день рождения в хозяйской ложе ТД-Гарден²².

Но это. Этого я *правда хочу*. Хочу так, что чувствую вкус желания на кончике языка.

К моему удивлению, выслеживать Фэрли с собаками не приходится. Он сам окликает меня, едва я вхожу в холл.

– Здравствуйте, мистер Фэрли! – кричу я в ответ, пытаюсь унять свой энтузиазм. – Давно не виделись.

– И правда, – кивает он. – Сколько уже прошло, года три?

– Около того.

Я поправляю хоккейную сумку на плече и подхожу ближе.

Мистер Фэрли не самого высокого роста, но у него телосложение танка – грудь колесом, мясистая шея. В хоккее он играл в молодости, но большого успеха в профессиональном спорте не добился – в основном из-за роста. В конечном счете он пошел в тренеры, и *вот там-то* к нему пришел успех. А теперь, судя по всему, он вышел на новый уровень.

– Поздравляю с победой.

– Я не ожидала, что будет такое противостояние, – с сожалением признаюсь я.

Он кивает.

– Отлично проявила себя в буллитах.

– Спасибо. Я слышала, вас тоже можно поздравить. Тренер Эдли сказал, вас назначили главным тренером сборной США.

Глаза его сияют от гордости.

– Да, спасибо. Жду не дождусь, когда смогу возглавить команду. Пора уже медали завоевывать.

²¹ Ежегодный женский хоккейный турнир, который проводится между четырьмя основными национальными командами в этом виде спорта; в настоящее время это Канада, США, Швеция и Финляндия.

²² Спортивная арена в Бостоне, названная так в честь главного спонсора – банка TD Bank.

– Здорово звучит... – Я делаю паузу, надеюсь, что он ее как-то заполнит. Молюсь, чтобы он хоть что-то мне сказал, хоть как-то намекнул, на каком этапе создания команды он находится.

Но он молчит.

Мне приходится неловко продолжить.

– Я имею в виду... то есть это, конечно, само собой разумеется, но я бы очень хотела стать одним из кандидатов для отбора.

Еще кивок.

– Разумеется. Мы сейчас присматриваемся к нескольким игрокам. В этом году в студенческом хоккее есть очень динамичная группа игроков.

Вранье.

Стискиваю зубы, стараясь не показать своего негодования. Я ни в коем случае не высокомерна, но знаю абсолютно всех хоккеистов в студенческой ассоциации, в том числе первокурсников, которых отобрали только в этом году. Кое-кто из новичков и правда обладает потенциалом, но по большей части среди всех программ Д1 есть лишь несколько выдающихся игроков. И я определенно вхожу в десятку, если не в пятерку, лучших.

– Что ж, отрадно слышать. Не знаю, сколько игроков из колледжа обычно входят в состав, но...

– Процент тридцать-сорок, – любезно сообщает он, и меня это быстро затыкает.

Черт. Суровый показатель. Учитывая размер состава, там, наверное, совсем немного свободных мест, а значит, он выберет двух, *может быть*, трех девчонок из колледжа.

– Как я и говорил, – продолжает он, заметив мое выражение лица, – сейчас мы присматриваемся к нескольким игрокам, но ты, разумеется, одна из них, Джиджи. У тебя, конечно, есть проблемы, над которыми надо поработать, но они у всех есть.

– И какие проблемы? – тут же спрашиваю я, слишком поздно сообразив, что звучит это так, будто его критика меня обижает, так что поспешно добавляю: – Я буду признательна за любой совет. Я только рада усовершенствовать свою манеру игры.

Он поджимает губы.

– Проблема та же, что и всегда. Ты совершенно неэффективна за воротами.

Вот теперь я точно встаю на дыбы, потому что он ведет себя так, будто эта «проблема» – какая-то ахиллесова пята, которая мешает мне уже не один год и не дает добиться успеха. Просто чушь. У любого игрока есть сильные и слабые стороны.

– Хорошо, что вы об этом сказали, спасибо. Надо будет обсудить этот момент с тренером Эдли, – киваю я, после чего заставляю себя спросить: – Как дела у Эммы, кстати? Она же в Калифорнийском²³, верно? – знаю, что, если не спросила бы, он бы заподозрил неладное.

– У нее все хорошо. На Западном побережье она просто процветает. Получила небольшую роль в пилотной серии сериала.

– Круто, – вру я.

Мне не по себе, что у нее все так здорово, и я ненавижу себя за малодушие. Не хочу быть малодушным человеком.

– Я передам, что ты про нее спрашивала.

Пожалуйста, не надо, – мысленно умоляю я.

Впрочем, учитывая некоторую напряженность в его голосе, подозреваю, он в любом случае не собирался передавать от меня привет. Да... эти отношения она для меня точно отравила.

– Что ж, рад был повидаться, Джиджи. Я вижу еще кое-кого, с кем мне надо поговорить.

²³ Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе – государственный исследовательский университет, вошедший в систему государственных университетов в 1919 году.

Он хлопывает меня по руке, а затем, к моему вящему ужасу, отправляется навстречу Бетани Кларк, капитану команды «Провиденса».

Это что – шутка? Может, сегодня Бетани и правда хорошо сыграла, но она и близко недотягивает до моего уровня. Мне будто пощечину дали. Горло сдавливают зависть и обида, и я бросаюсь на улицу. Даже выйдя на теплый влажный воздух, не могу стряхнуть ощущение холода.

На середины лестницы снова слышу, как меня окликают.

– Джиджи, подожди.

Оглядываюсь и вижу, что у подножья лестницы, слева от меня, маячит фигура Люка Райдера. Выцветшие джинсы подчеркивают длинные ноги, на нем черная футболка и кепка «Бостон Брюинз»²⁴, натянута так низко, что даже глаз не видно.

Я спускаюсь на тротуар, он идет мне навстречу. Невольно хмурюсь.

– Что ты тут делаешь?

Он пожимает плечами.

– Давай словами, Райдер.

Я не в настроении для разговоров в стиле пещерных людей. Отказ Брэда Фэрли до сих пор жжет, как кислота.

Райдер снимает кепку, проводит рукой по волосам, приглаживая их, снова натягивает кепку... я наблюдаю за ним и подмечаю браслет на запястье правой руки. Сплетен он из черных и серых нитей и напоминает браслеты дружбы вроде тех, которые тебе вечно впаривают местные, когда отдыхаешь на островах, – лишь бы ты купил бесполезную безделушку. Браслет старый и потрепанный, он его, наверное, сто лет уже носит.

– Хотел оценить, как ты играешь.

– Хорошо. – Странный, но до чего забавный. Окидываю его долгим взглядом. – Ну как, понравилось?

Он вроде как снова пытается пожать плечами, но замечает выражение моего лица и замирает.

– Было куда более драматично, чем я ожидал, – посмеивается он. – И буллиты вам были не нужны.

– Думаешь, надо было закончить вничью?

– Нет, я имею в виду ровно то, что сказал: буллиты вам были не нужны. Вы могли бы выиграть в третьем периоде.

– Знаешь, другой сделал бы комплимент тому, как я принесла команде победу в серии буллитов, – замечаю я.

– Так тебе это нужно от окружающих? Чтобы тебе говорили, какая ты хорошая девочка? От его насмешливых слов у меня между ног поднимается горячая волна. Ого.

Вот как.

Не ожидала, что мое тело так отреагирует, и мне это совсем не нравится, особенно учитывая, что прямо сейчас мне полагается рассердиться на Райдера. Он практически сказал, что из-за меня мы в принципе вышли на буллиты.

– Может, ты не заметил, – сухо откликаюсь я, – но они давили на нас как ненормальные.

Райдер не отвечает.

– Что? – ворчу я.

Снова никакого ответа.

Я бросаю хоккейную сумку на асфальт, и она приземляется с глухим звуком. Скрещиваю руки на груди и мрачно глазею на него.

²⁴ Профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Базируется в городе Бостон, Массачусетс, США.

– Давай. Расскажи, что ты там думаешь.

Он встречается со мной взглядом.

– Я имел в виду твою панику за воротами.

Его слова – как удар тупым ножом.

В обычной ситуации я бы спокойно выслушала его, обдумала критику и сочла конструктивной, не проявила такую чувствительность. Но Райдер будто эхом повторяет слова Фэрли, и прямо сейчас мне это нужно в последнюю очередь.

Что, уже двое мужчин говорят, что за сеткой – просто отстой?

– Когда находишься под давлением на их территории и других вариантов нет, надо сразу же переместить шайбу в заднюю часть сетки, – продолжает Райдер, когда я не отвечаю. – Вместо этого ты паникуешь и пытаешься кое-как пасовать, а противник перехватывает шайбу. Именно это и произошло у вас в третьем периоде.

Пожалуй, он куда больше мне нравится, когда молчит.

Я сжимаю челюсть так сильно, что начинают болеть зубы. Игнорируя то, как прямолинейно он оценил всю отстойность моей игры, выдавливаю:

– Так зачем ты здесь на самом деле?

В синих глазах на мгновение мелькает новое выражение, что-то сродни неловкости. Я ожидаю, что он будет тянуть время или ничего не ответит, но он, к моему удивлению, отвечает прямо.

– Вчера к нам на тренировку приходил твой отец.

– И?

Райдер снова поправляет кепку.

– Он сказал, что каждый год руководит лагерем «Короли хоккея». Я надеялся...

– Да ради всего святого! – Я точно знаю, к чему он ведет, и это страшно бесит. – Серьезно?

И ты тоже?

– Что?

Я поднимаю сумку, закидываю на плечо.

– Знаешь, сколько парней каждый год приходит ко мне, чтобы подобраться поближе к моему отцу? Я все это уже проходила.

Качаю головой, пытаюсь подавить злость. Что ж, по крайней мере, Райдер откровенен. Не пытается пригласить меня на ужин, а то ведь другие так и делают: держат за ручку, шепчут всякие ласковые слова, а *потом просят об услуге*.

Как я ни стараюсь, горечь так и поднимается. Я и без того была в скверном настроении, а теперь мне в тысячу раз хуже.

– Я знала, что ты придурок, но это совершенно другой уровень. Являешься сюда, оскорбляешь мою манеру игры, а потом хочешь использовать меня, чтобы добраться до моего папы?

Он в ответ снова пожимает плечами.

– Что?

– Как будто ты его не используешь.

Я замираю.

– Это еще что значит?

– Мы тренируемся в здании Центра Грэхема, – смеется он, впрочем, непохоже, что ему весело. – Если это не кумовство, то я даже не знаю.

Щеки у меня вспыхивают. Я знаю, что с каждой минутой краснею все больше.

– Хочешь сказать, что я не смогла бы попасть в Брайар за свои собственные заслуги?

– Я хочу сказать, что ты хороша, но, уверен, фамилия не вредит.

Я пытаюсь успокоиться. Глубоко дышу.

– Да пошел ты!

На этом я отворачиваюсь и ухожу, потому что с меня хватит разговоров с ним. Навсегда.

Он за мной не идет, и минуту спустя я, кипя от гнева, влезая в автобус.

Райдер ошибается. Брайар – и еще полдюжины колледжей с крупными хоккейными программами – умоляли меня поступать к ним не из-за фамилии. Они хотели заполучить меня, потому что я хорошо играю. Нет, потому что я отлично играю.

Я это знаю.

И все же плотина прорвана. Меня заполняет неуверенность, а поток сомнения так и просачивается в кровь.

Глава девятая

Джиджи

На ковре

Пару часов спустя я добираюсь до дома – по-прежнему в мрачном настроении. И тут же замечаю два гигантских чемодана посреди гостиной. Настроение у меня мигом меняется.

– О боже! – я готова визжать от восторга. – Ты дома?

В дверях появляется Мия Белл – как всегда, с ослепительной улыбкой.

– Я прибыла! – торжественно объявляет она, очень напоминая в этот момент Диану. А потом мы бросаемся друг другу в объятия как сумасшедшие, пританцовывая и покачиваясь из стороны в сторону – до того сильно, что чуть не падаем.

– Что ты тут делаешь? – Меня переполняет радость. – Я-то думала, ты только в воскресенье приедешь.

– Мне стало скучно на Манхэттене. А еще мама просто с ума меня сводит. Я остро нуждалась в тишине и покое.

– Черт, она, должно быть, стала совсем невыносимой, раз уж ты захотела оказаться в тишине.

Мия – человек не самый тихий. Повторю: далеко не самый тихий. Не то чтобы от нее много шума, она просто болтушка.

– Мама решила найти мне достойную пару для замужества, но считает, что я права голоса в этом вопросе не имею. – Мия закатывает глаза.

– Серьезно? И каким образом ты должна одновременно завести семью и стать звездой операционной? Как по мне, тут либо одно, либо другое.

Мия учится в медицинском колледже. Хочет стать хирургом.

– Вот именно. Как я смогу сосредоточиться на супруге, если в ординатуре мне предстоит по тридцать шесть часов подряд работать в операционной? А теперь попробуй объяснить это моей матери. Она пол-года расспрашивала каждого встречного дипломата, нет ли у них неженатых детей. И уже принялась собирать досье на кандидатов.

– По крайней мере, она предлагает разные варианты.

Когда на первом курсе колледжа Мия открылась родителям и рассказала о своей бисексуальности, ее мама смирилась далеко не сразу. В конце концов Мия усадила маму и поговорила с ней. После этого миссис Белл несколько примирилась с ситуацией.

– И то правда, – кивает Мия. – Но, богом клянусь, я не хочу, чтобы мама меня с кем-то сводила. Ты же с ней встречалась? Такого сноба, как она, не найти во всем мире. Она выдаст меня за какую-нибудь чванливую особу королевской крови.

Мия на этом не останавливается и продолжает рассказывать о том, как летом путешествовала с семьей. Мы открываем бутылку красного вина и садимся на диван, пытаюсь наверстать упущенное. Сначала меня все это веселит, но вскоре я мысленно возвращаюсь к другим событиям этого вечера, и постепенно меня снова переполняет тревога и злорада.

Чертов Брэд Фэрли, чертов Люк Райдер. Да, переданную мной шайбу перехватили, ну и что? И что, если...

– Что, мой рассказ о нудистском ужине в Греции тебя уже не развлекает? – спрашивает вдруг Мия, прерывая поток моих мыслей. Вид у нее позабавленный.

– Нет, очень смешно. Прости. На долю секунды отвлеклась и снова начала себя накручивать. Знаешь, у меня ведь настроение было хуже некуда, пока я не увидела твое прекрасное личико.

– Во-первых, продолжай осыпать меня комплиментами, а то мама этим летом практически растоптала мою самооценку. А во-вторых, из-за чего ты себя накручиваешь?

– Эмма Фэрли. Моя давняя подруга по старшей школе.

– А, предательница.

– Да, – смеюсь над тем, как ее заклемила Мия, но при этом чувствую отголосок застарелой боли. Если бы кто-то сказал мне в последний год учебы в школе, что к выпускному мы с Эммой больше не будем дружить, я бы объявила, что у него не все дома.

Мия вытягивает свои невероятно длинные ноги на журнальном столике.

– Так почему мы тут думаем о злобной Эмме?

– Ну, вообще-то думаю я скорее о ее отце. Сегодня узнала, что мистер Фэрли стал новым главным тренером сборной США.

– Вот черт. И она настроила папочку против тебя?

– Не знаю. Я толком не говорила ни с ней, ни с ее родней с самого выпускного. Но вряд ли она сказала в мою сторону хоть одно доброе слово. Она уже три года злословит обо мне в соцсетях.

Сначала были открыто агрессивные посты о том, какая ужасная, эгоистичная и надменная у меня семья (и я тоже). Потом все это превратилось в смутно замаскированные «размышления» и неоднозначные цитаты – явно в мой адрес, с отсылкой к моим многочисленным недостаткам.

Все это выглядело так по-детски, но имелась одна проблема: Эмма ненавидит, когда ее игнорируют. Ей вечно надо быть центром всеобщего внимания, что просто отлично, когда ты подросток и носишься по тусовкам и у тебя есть веселая, жизнерадостная подруга, которая с головой ныряет в новые приключения и тянет тебя за собой.

Однако как только ты перестаешь идти у нее на поводу и тешить ее эго, она поворачивается к тебе спиной.

– В общем, я беспокоюсь, что он будет ко мне несправедлив, – признаю я, щедро отхлебнув из бокала. Вино на пустой желудок идет скверно, и дискомфорт только усиливается. – Они отбирают игроков и определяются с составом, и... – Языком снимаю каплю вина, оставшуюся на губе. – Не знаю, я нервничаю. У меня плохое предчувствие.

– Не надо нервничать. Ты буквально игрок номер один в мировом женском хоккее.

– А вот это перебор.

– Ну, в тройке лучших, – исправляется Мия. – Но ведь во всем мире.

– В десятке. По стране.

– Ладно, в пятерке во всем мире, – машет рукой она. – И ты говоришь, что этот говнюк не выберет одного из лучших игроков для своей команды?

– Все устроено немного иначе.

– И как все устроено?

Тут мне приходится подумать, что сказать, потому что объяснить ситуацию не так-то легко. Процесс отбора очень мутный – можно решить, что так сделано специально.

– Тренеры отбирают игроков, исходя не только из объективных критериев. Они смотрят, выступал ли ты раньше на соревнованиях национального уровня, а у меня такого опыта нет. Они пытаются предвидеть, кто, по их мнению, лучше впишется в команду. Иногда проводятся отборочные испытания, но предыдущие показатели куда важнее нескольких тренировок. – Пожалуй, стоит говорить простыми словами, что я и пытаюсь сделать. – В сущности, каждый раз, когда я выхожу на лед, я прохожу отбор в сборную страны.

И, судя по всему, произвожу не лучшее впечатление. По крайней мере, по словам Брэда Фэрли.

– Знаешь, не хочу об этом больше говорить.

Раздражение переполняет меня. Соскальзываю с дивана на мягкий плюшевый ковер и с громким стоном вытягиваюсь на спине.

– Ах вот что, – вздыхает Мия.

Я открываю глаза. Она смотрит на меня сверху вниз, и на лице у нее смесь веселья и беспокойства.

– Что? – ворчу я.

– Тебе надо заняться сексом.

– Нет, не надо. Я и так в порядке.

– Неправда. Я провела дома всего час и уже заметила первые признаки, а теперь ты на ковре. Знаешь, лежание на ковре – последний гвоздь в крышку гроба.

– Прекрати. Не так уж часто я валяюсь на ковре.

– Часто-часто. Каждый раз, когда у тебя уровень стресса зашкаливает и когда на тебя слишком много всего наваливается. А потом, повалявшись на ковре, ты вечно принимаешься ворчать и огрызаешься на меня за всякую ерунду, например, если я попою воды из твоей бутылки с монограммой. Зато потом приходит Кейс, вы трахаетесь, и ты снова превращаешься в милую крошку Джиджи.

– Не припомню, чтобы я была милой.

– Ладно, тут я согласна. Но с остальным даже не пытайся спорить. Твои циклы похотливости ужасно предсказуемы. А после секса ты сразу становишься гораздо менее раздраженной, и наш ковер может вздохнуть спокойно.

– Ненавижу тебя.

– Когда ты в последний раз выпускала пар? – Я уже открываю рот, чтобы гордо ответить на этот вопрос, но она тут же перебивает: – Я имею в виду, с другим человеком, с парнем, а не в компании собственной руки.

Вздыхаю, признавая поражение.

– Еще когда встречалась с Кейсом.

– То есть в конце мая? Почти четыре месяца назад?

– Четыре месяца не такой большой срок без секса, – протестую я.

– Большинство людей с тобой не согласится. А для тех, кто постоянно живет в стрессе, как ты, это целая вечность.

Уступать я не хочу, но стоит признать ее правоту. Одна из причин, по которым я предпочитаю постоянные отношения, – регулярный секс. Люди вечно хвастаются, как легко пойти и найти себе кого-нибудь на ночь, вот только кому нужны такие трудности *каждый* вечер? Бесконечная вереница случайных парней или регулярный секс с любимым человеком? Я без колебаний выберу второе.

– Может, нам зарегистрировать тебя в приложении для свиданий?

Я сажусь, прислонившись к дивану.

– Нет. Ненавижу такие штуки. И, как ты знаешь, ненавижу случайные связи.

– Ну, либо так, либо надо возвращаться к Кейсу. – Мия склоняется вперед, подливая себе в бокал. – Такой вариант есть?

– Нет.

К слову, о Кейсе. Он звонит чуть позже, когда я собираюсь идти в душ. Хочется нормально помыть голову – я ополоснула волосы в раздевалке после игры, но этого недостаточно.

Мои пальцы замирают над кнопкой «ответить». Я почти нашла в себе силы проигнорировать звонок, но привычка берет верх.

Привычка – и тот факт, что я по-прежнему иногда скучаю по звуку его голоса, не буду отрицать.

– Как прошла игра? – спрашивает Кейс.

Водные процедуры временно откладываются. Я возвращаюсь в спальню и сажусь на угол кровати. Вот так болтать с Кейсом посла матча – привычное дело.

– Сурово вышло. В этом сезоне нам стоит опасаться «Провиденса».

– Все болит?

– Болит, и несколько синяков есть, но ничего особенного. Завтра приму ванну со льдом, и все будет в норме.

– Или можно принять теплую ванну прямо сейчас, – тихо и медленно произносит он. Голос льется как патока. – Я мог бы зайти и присоединиться, если нужна компания.

Предложение... соблазнительное.

По телу пробегает дрожь, едва я думаю о том, как окажусь в ванной с Кейсом. Мы оба обнажены, я прижимаюсь к нему, а он гладит меня по волосам, целует в шею...

Мия права. Я уже возбуждалась – и поэтому торопливо заканчиваю разговор.

– Не надо, – безмятежно говорю в трубку. – Мне и так хорошо. Приму душ и лягу.

– Но я всегда рядом, Джи. Ты ведь знаешь это, да? Я всегда буду рядом.

Вот только в самый важный момент, когда это действительно имело значение, рядом его не было.

Так как же верить ему теперь?

Уф, прямо сейчас я совершенно не в том состоянии, чтобы размышлять об этом. Принимаю душ, расчесываю и сушу феном волосы, а потом заползаю в постель. И вот я лежу, а сон все не идет. Мне беспокойно... и, возможно, действительно нужно кончить. Так что, поворочавшись с боку на бок до часа ночи и не сомкнув глаз, я, закусив губу, скольжу рукой между ног.

Так тебе это нужно от окружающих? Чтобы тебе говорили, какая ты хорошая девочка?

Не успеваю я остановиться, как в голове отчетливо звучит низкий, с хрипотцой, голос Люка Райдера. Все мое нутро сжимается, а тело шепчет: *да, назови меня хорошей девочкой.*

Пальцами задеваю клитор – такая мимолетная ласка... и тут я понимаю, кого так жаждет мое тело.

Желание угасает моментально. Нельзя касаться себя, мечтая о придурке, который явился на мою игру, перечислил все мои недостатки в хоккее, а потом намекнул, что я не заслуживаю играть в Д1.

Кумовство, кто бы мог подумать. Что за идиот?

Заснуть не удастся целую вечность, и, даже погрузившись в сон, я так и не нахожу покоя. Всю ночь ворочаюсь, а утром встаю совершенно уставшая.

Из-за этого утренняя пробежка дается мне с трудом, хотя на сей раз компанию мне составляет Мия (а я отчаянно нуждаюсь в компании). Она пытается отвлечь меня, развеселить, вырвать из когтей мрачного настроения, и получается у нее это, только когда мы возвращаемся в Хартфорд-Хауз: впервые за утро я искренне смеюсь.

Разумеется, смех мой резко обрывается, потому что у главного входа нас дожидается Райдер.

С букетом маргариток.

Глава десятая
Джиджи
Международный день поедания яблок

– Я просто вот о чем говорю: какой ты принц, если от монархии на Мальте отказались еще в семидесятых? Приятель, твоя семья теперь продает окна и двери. Мне плевать, что когда-то вы были дальними родственниками гребаной королевы... – Мия замолкает, заметив Райдера. Потом замечает букетик бело-желтых цветов у него в руках. – Ого. Ладно. Хочу на это посмотреть.

Как только мы подходим ближе, Райдер распрямляет широкие плечи и делает шаг вперед. Одет он так же, как вчера, – в джинсы и черную футболку, но на этот раз без бейсболки. Темные волосы растрепаны, и он то и дело запускает в них свободную руку.

– Привет, – отрывисто бросает он.

– Привет, – прохладно откликаюсь я.

В повисшей тишине мы пялимся друг на друга. Я на него – с подозрением, он на меня – безо всякого выражения.

– Привет! – вклинивается Мия.

Я совершенно забыла, что она еще здесь.

– Райдер, это Мия, – поспешно исправляюсь я. – Моя соседка.

Он кивает в знак приветствия.

Мия окидывает его оценивающим взглядом и, судя по легкому изгибу полных губ, остается довольна увиденным.

Райдер по-прежнему сжимает цветы, но отдать их мне даже не пытается. Мгновение я гадаю, не принес ли он их кому-то другому.

– Мы можем поговорить? – спрашивает он.

– Ой, конечно, – тут же отвечает Мия. Потом замечает его выражение лица и соображает, что к чему. – А, ты хочешь поговорить наедине с Джиджи. Вот черт. Я так хотела узнать, что происходит.

– Я тебе расскажу, – обещаю я.

Подруга широко улыбается и отправляется в общежитие, выживая на ходу ключ-карту.

– У меня один вопрос, – объявляю я, едва мы остаемся одни.

– Какой?

– Ты что, серьезно принес мне цветы?

– Да, – бормочет он.

Мне до того смешно, что приходится прикусить губу. Никогда не видела человека в таком отвращении от собственного поведения.

– Слушай, мы оба знаем, что ты тот еще засранец, но, приятель, у тебя такой характер. Не надо унижаться и приносить мне цветы в знак извинения.

Он слегка ухмыляется.

– Кто сказал, что они в знак извинения? Может, они по случаю праздника.

– Да ты что? Ну-ну. И что празднуем?

Он достает из заднего кармана телефон и снимает блокировку, потом пару секунд изучает экран и, судя по тому, что я вижу, сверяется с календарем.

– Сегодня Международный день поедания яблок, – он наконец отрывается от телефона и смотрит мне прямо в глаза. – Подумал, стоит отпраздновать.

Мне только и остается, что тарашиться в ответ.

– Шутишь.

Он поворачивает телефон экраном ко мне, и действительно: в списке международных праздников значится Международный день поедания яблок.

– Я правда люблю яблоки, – беспечно и немного самодовольно заявляет он.

– Знаешь, вот такой Райдер мне, пожалуй, нравится. Понятия не имела, что ты такой чудак.

– Я не чудак, – бормочет он.

– Тогда почему мы отмечаем твою любовь к яблокам?

Он потрясает передо мной букетом.

– Возьми уже эти чертовы цветы.

Волей-неволей улыбаюсь и, решив избавить его от страданий, принимаю маргаритки.

– Вообще-то я люблю цветы, – радостно сообщаю я. – Не так сильно, как бабочек, но почти.

Райдер вздыхает.

– Что? – тут же огрызаюсь я.

– Ты любишь цветы и бабочек? А я только начал думать, что ты правда крутая.

– Ну а *ты* что любишь? – поддразниваю я.

– Не цветы. Не бабочек.

– Любопытно, что говорит это парень, который целое утро выбирал цветы, чтобы извиниться перед девчонкой.

– Не все утро. Буквально минутку. Стянул их у соседа с клумбы.

– О господи.

– И они не для того, чтобы извиниться, – ворчит он.

– Ага-а-а...

– Мне не за что извиняться. – Он изгибает одну бровь. – Я сказал правду.

Я сверлю его взглядом.

– Как бы ты себя чувствовал, если бы я набросилась на тебя после игры, а потом взяла и перечислила все, что тебе не удастся?

– Все было совсем не так. Ты спросила, что я думаю.

– Необязательно было отвечать.

– Не задавай вопросы, если не хочешь получить ответ, – парирует Райдер.

– Знаешь, мне больше нравилось, когда ты вообще не говорил.

В ответ на это он улыбается. Искренне.

Черт. Я сама во всем виновата. Сама вызвала у него улыбку. И вот теперь я удостоилась чести лицезреть эту дурацкую улыбку, а она просто сногшибательна. Помню, как Камила рассказывала, что на вечеринках он просто подпирает стену, а женщины к нему так и слетаются. Теперь я понимаю, почему у него от них нет отбоя.

– Слушай, если бы это и правда было извинение – ну, гипотетически, я бы, возможно, признал, что иногда говорю слишком прямо.

– Не может быть! – Я старательно разыгрываю изумление.

– Обычно никто не жалуется.

– Конечно, уверена, все от такого просто в восторге.

Он опасно щурится.

– Зря я это затеял.

– Нет-нет, продолжай, – подстегиваю я. – Мне очень льстит это гипотетическое извинение. Итак, предположим – гипотетически, – что ты проявил излишнюю прямоту, сказал человеку, что он играет в хоккей в «Брайаре» только благодаря родственным связям, а практически сровнял этого человека с землей... Прошу, продолжай.

Улыбка резко исчезает с его лица.

– Я не имел в виду ничего подобного. И ремарка насчет кумовства не вписывается ни в какие ворота.

Кажется, говорит он искренне. Может, он и придурок, но вряд ли жестокий придурок.

Впрочем, я его почти не знаю.

– Я не собирался ровнять тебя с землей. Я всегда честен в том, что касается хоккея. Я и сам постоянно оттачиваю навыки, прорабатываю слабые места. Думаю, я просто забыл, что не каждый хочет услышать такой совет. – Райдер несколько медлит, и выражение лица у него становится почти мучительным. – И прости, что намекнул, будто ты всего добилась только благодаря отцу. Я же смотрел матч. Ты играла феноменально.

Несмотря на волну тепла, прокатившуюся по телу от комплимента, чувствую отголоски сомнения.

– Ты все это говоришь, чтобы мне не было так плохо?

– Я ничего не говорю просто так.

И это, подозреваю, чистая правда.

– Что ж, спасибо. Пожалуй, я даже ценю это, – неохотно добавляю я. – Ты и сам очень хороший игрок.

– Я не говорил, что ты играла очень хорошо. Я сказал, что ты играла феноменально.

– А я говорю, что ты очень хороший игрок.

Райдер едва слышно усмехается и машет рукой в сторону букета у меня в руках.

– В любом случае ты получила мою оливковую ветвь. Шейн сказал, что маргаритки нравятся девушкам и их нельзя истолковать превратно.

– Превратно – это как? Будто ты пытаешься со мной сблизиться? Будто занимаешься подхалимством, чтобы я замолвила за тебя словечко перед отцом? Ты ведь поэтому вчера явился на игру, да?

– Да, – без обиняков отвечает он. – Но ты четко сформулировала свою позицию на этот счет, так что больше я просить не буду. Я не из таких. – Он пожимает плечами. – Ну ладно, не буду тебя задерживать.

Вижу, что он уже готов уйти, и выпаливаю:

– Мне нужен совет.

Взгляд у Райдера откровенно настороженный.

– Второй раз я на эту удочку не попадусь, Жизель.

– Нет, серьезно. Я вчера была в паршивом настроении, только потому на тебя и набросилась. Я ведь такая же, как ты: вечно совершенствую свою манеру игры. – Встречаю серьезный взгляд синих глаз. – Если бы ты мог дать мне совет, что бы сказал?

Явно сомневаясь, он снова принимается взлохмачивать волосы.

– Прошу тебя. Что надо делать за сеткой?

– Не нужно так стараться активно выбраться оттуда, – наконец отвечает он. – Если научишься владеть этим пространством и эффективно его использовать, перед тобой откроется множество возможностей, и забить гол будет легко.

– Большой риск, большой приз?

Он кивает.

– Оказавшись за воротами, уходи в наступление, и ты вынудишь и вратаря, и защитника команды соперника сосредоточиться на этом участке. А когда все их внимание переключится на этот клочок льда, они перестанут следить, что творится перед воротами.

Я пытаюсь не обращать внимание на внезапно появившееся раздражение.

– Но там, за сеткой, я вечно теряю контроль за шайбой. Там так мало места!

– Как я уже сказал, научись владеть им. Иногда, если повезет, сможешь отвлечь сразу обоих защитников. Если у них еще и с коммуникацией дерьмово, то оба попытаются перекрыть тебе путь, и тогда у кого-нибудь из твоих сокомандниц, может, даже у нескольких, возникнет идеальная возможность для того, чтобы забить гол. – Он пожимает плечами. – А дальше что хочешь, то и делай.

С этими словами Райдер уходит, оставив меня стоять с букетом перед общежитием.

Я смотрю на маргаритки, провожу большим пальцем по шелковистому белому лепестку. Они невероятно красивые. И мне все равно, украл он их или нет. Потом перевожу взгляд на удаляющуюся спину Райдера, оцениваю мускулистые руки, уверенный шаг...

– Райдер! – вырывается у меня.

Он поворачивается.

– Что?

У меня появляется идея, и я обдумываю ее так и этак, пока иду ему навстречу.

Он, засунув руки в карманы, ждет, когда я подойду.

– У меня есть предложение, – объявляю я.

В глазах у него мелькает огонек веселья.

– И что за предложение?

– Ну, скорее, наверное, услуга за услугу. Ты поможешь мне, а я помогу тебе.

Лукавство тут же перерастает в заинтересованность.

– Насчет хоккейного лагеря моего папы... Он очень придирчиво выбирает помощника тренера. И, врать не буду, он о тебе не самого высокого мнения. Не знаю, давно ты произвел такое впечатление или нет. Зато знаю, что он уже несколько лет за тобой наблюдает. Он следит за всеми хорошими игроками в студенческом хоккее.

Райдер мрачнеет.

– Хочешь сказать, он точно не возьмет меня помощником.

– Этого я не говорила. Но он упоминал, что у тебя скверное поведение. Так что да, думаю, я могла бы замолвить за тебя словечко. Насчет твоих лидерских качеств или чего-то еще. Мы с ним постоянно болтаем по телефону, а в следующие выходные я поеду домой навестить родных. Если хочешь, каждый раз буду тебя нахваливать. Хотя нет, не каждый, а то отец что-нибудь заподозрит. Но я скажу ему, что мы дружим, и сделаю так, чтобы твою кандидатуру он обязательно рассмотрел. – Пожимаю плечами. – Мое мнение многое для него значит.

Райдер выжидающе смотрит на меня:

– Что ты хочешь взамен?

– Помоги мне справиться с проблемами за сеткой. Может, несколько раз потренируемся вместе. Один на один, – ухмыляюсь я. – Знаешь, я ведь, наверное, даже кое-чему смогу тебя научить.

– Не сомневаюсь. У тебя немало приемов.

– Видишь? Польза для обоих. Ты поработаешь со мной, а я поработаю ради тебя. Мы оба останемся в выигрыше. – Смотрю ему прямо в глаза. – Ну как, согласен?

Он думает так долго, что я уже гадаю, не откажет ли он мне. Это, конечно, будет глупо и совершенно бессмысленно, потому что...

– Я в деле, – отрывисто кивает он. – Напиши мне, когда и где пройдет первое занятие, я приду.

Райдер уходит, а я остаюсь пялиться ему вслед и гадать, на что же подписалась.

Университет «Брайар».

Хоккей на льду с шайбой.

Мужская команда

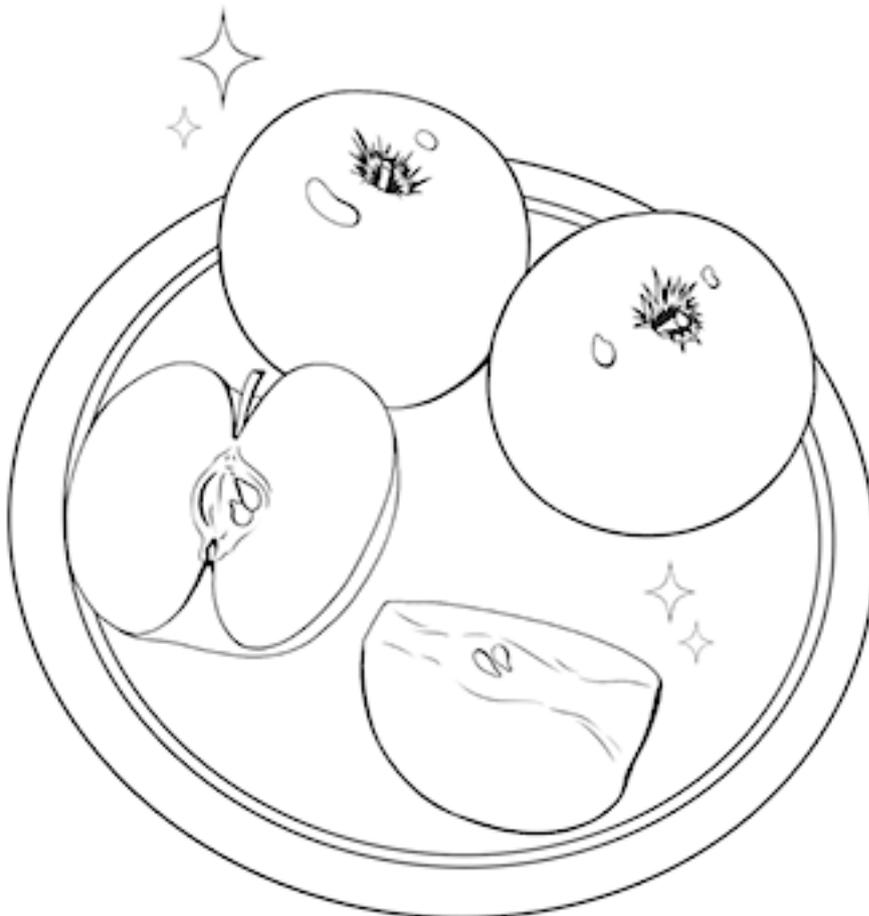
Стартовый состав

ИГРОК	ПОЗИЦИЯ	КУРС
Кейс Колсон	Нападающий (К)	3
Люк Райдер	Нападающий (К)	3
Уилл Ларсен	Нападающий	3
Дэвид Демейн	Защитник	4
Шейн Линдли	Нападающий	3
Беккетт Данн	Защитник	3
Тристан Ю	Нападающий	1
Остин Поуп	Защитник	1
Джо Керт	Вратарь	2
Мэтт Тирни	Защитник	3
Тим Коффи	Защитник	4
Ник Латтимор	Нападающий	3
Назем Талис	Нападающий	2
Тодд Нельсон	Вратарь	2
Мика Кучер	Нападающий	4
Джим Вудроу	Защитник	2
Джордан Трагер	Нападающий	3
Рэнд Хоули	Защитник	4
Хьюго Карлсон	Защитник	4
Патрик Армстронг	Нападающий	2
Мейсон Хоули	Нападающий	2

Глава одиннадцатая

Райдер

Чад Дженсен, королева драмы

Жизель пишет мне на следующий вечер и спрашивает, смогу ли я прийти завтра на наше первое индивидуальное занятие. До чего странно видеть ее имя на экране моего телефона. Может, странно видеть имя «Джиджи» – я несколько лет мысленно называл ее Жизель. Наверное, мой телефонный справочник должен этому соответствовать, так что я нахожу ее номер и меняю имя, посмеиваясь про себя: знай она об этом, ее бы это жутко взбесило.

Я: Мне удобно завтра. Но придется договориться с Дженсеном или Эдли, чтобы каток был свободен.

Жизель: Вообще-то у меня есть свое местечко, где можно потренироваться. Ты не против туда пойти? Но туда можно только вечером, после восьми.

Я: Понял. Я должен оставаться твоим грязным секретиком.

Жизель: В твоих устах это звучит двусмысленно.

Я: Зато правда.

Она снова принимается печатать. Уверен, собирается объяснить, почему ее не должны видеть в компании врага. Я, не дожидаясь ответа, отправляю следующее сообщение.

Я: Ничего, если Беккетт тоже придет? У меня на уме есть парочка упражнений, но нам понадобится третий, лучший защитник.

Точки исчезают, потом появляются снова.

Жизель: Ладно. Если ты считаешь, что это поможет.

Я: Не волнуйся, я позабочусь, чтобы он не выдал наш грязный секретик. Мы же не хотим запятнать твою репутацию хорошей девочки.

Жизель: Завтра напишу подробнее.

Очаровательно поболтали, как всегда!

Ухмыляясь, хватаю из холодильника пиво. Откручиваю крышечку и присоединяюсь к ребятам в гостиной. На дворе вечер пятницы, но никто никуда не пошел. Шейн развалился на диване, и на коленях у него сидит темноволосая чирлидерша. Встретил он ее только сегодня утром, во дворе, где она с подругами загорала топлес, а теперь она исследует языком его рот с такой тщательностью, будто намерена найти там золотую жилу. Когда я вхожу в комнату, они меня даже не замечают.

Беккетт сидит в кресле и играет в видеоигру. Заметив, куда я смотрю, он подмигивает:

– Я все прошусь к ним третьим, но...

Фыркаю, устраиваясь на другом конце нашего разборного дивана, – как можно дальше от целующейся парочки. Краем глаза наблюдаю, как Беккетт стреляет зомби на экране. Когда орда живых мертвецов припирает его к забору из проволочной сетки, он терпит поражение и теряет уровень, после чего откладывает пульт и берется за телефон. Что-то проверяет.

– Списков все еще нет, – замечает он.

Я киваю. Занятия в тренировочном лагере закончились сегодня утром, но финальный состав так и не сообщили. Дженсен сказал, они опубликуют два списка – список полного состава и список из девятнадцати человек стартового состава, которых он планирует тренировать для нашей первой игры.

Я откровенно волнуюсь за некоторых своих товарищей по «Иствуду». Кое-кто из парней явно не пройдет отбор, и смириться с этим будет непросто.

– Я-то думал, они сделают рассылку на электронную почту в конце дня, – продолжает Беккетт. – Знаешь, в разумное рабочее время.

В ответ я отхлебываю пива.

– Может, этот хрен любит драму.

Бек фыркает.

– О да. Чад Дженсен, королева драмы.

С другого конца дивана раздается тихий стон. Оказывается, Шейн уже запустил руку чирлидерше под рубашку.

– Эй! – окликает их Беккетт. – Найдите другое место.

Шейн отлипает от девицы. Взгляд у него немного помутнел, но в глазах определенно мелькает ирония.

– И это говорит главный эксгибиционист из всех моих знакомых, – подначивает он Бека.

– Ладно, согласен.

– Кроме того, тебе нравится представление.

– Конечно, мне нравится представление! – ворчит Беккетт. – Кара, что ты вообще делаешь с этим придурком? Я же явно лучше него.

Девица Шейна соскальзывает с его колен и садится рядом с ним на диван. Я краем глаза замечаю, как он стратегически поправляет брюки, как будто мы впервые видим подобную картину. С тех пор как Шейна бросила девушка (ах нет, простите, с тех пор как они *расстались по взаимному согласию*), он превратил случайные интрижки практически в новый вид спорта.

Вот и теперь он обнимает Кару и тянется за бутылкой бледного индийского эля, стоящей на журнальном столике.

– Списка так и нет? – спрашивает он, тоже проверяя телефон.

И тут у меня раздается сигнал входящего сообщения. Парни как один поворачивают головы.

– Это он? – Шейн буквально вибрирует от напряжения.

– Господи, да расслабься. Это всего лишь Оуэн.

Оуэн Маккей: Есть время поболтать?

Сначала собираюсь отправить сообщение в ответ, а потом думаю: да пошло оно все. Уж лучше просто позвонить.

– Сейчас вернусь. – Я выскальзываю из гостиной, на ходу набирая Оуэна.

Босиком иду к стеклянным раздвижным дверям в кухне. На дворе начало сентября, и солнце уже село, но на улице еще тепло. У домов на нашей улице приличные по размеру задние дворы, а веранды хоть и маленькие, но деревянные; у нас – из кедра, так что я с наслаждением сажусь на верхнюю ступеньку. Родители Шейна купили сюда комплект для двора, но пока нам было лень его собирать, так что стол по-прежнему пылится в коробке в гараже, а стулья покрыты полиэтиленовой пленкой.

Из нескольких домов дальше по улице до меня доносятся голоса. В основном мужские, хотя изредка слышен и женский. Громкие взрывы смеха чередуются с поп-роком, какой-то песенкой, слова которой я даже разобрать не могу. Похоже, у кого-то вечеринка.

– Привет, – говорю я, как только Оуэн берет трубку.

– Привет! – откликается знакомый голос. – Как дела?

– Хорошо, брат, а у тебя?

– В последнее время дел невпроворот. Свалилась кое-какая внеурочная работа, и с июля она просто съедает все свободное время в графике.

А, командные мероприятия в межсезонье. Их жаргон мне знаком. И ведь до чего круто, если подумать: я знаком с настоящей суперзвездой, с большой шишкой в НХЛ – самим Оуэном Маккеем. Наверное, то же чувствует Джиджи.

Иногда я смотрю игры с его участием и думаю, что вообще я забыл в колледже, зачем теряю здесь время. Оуэн пошел играть за Лос-Анджелес сразу после школы, в восемнадцать. Пока был новичком, много времени на льду ему не давали, зато на второй сезон Оуэн стал звездой. И вот он играет уже четыре года, каждый сезон шикарнее предыдущего.

Именно Оуэн уговорил меня пойти в колледж. Он знал, насколько важно для меня получить образование, так что, когда я стал колебаться и подумывать, не пойти ли в профессиональный спорт сразу после старшей школы – по его стопам, он напомнил о тех целях в образовании, которые я сам же перед собой поставил.

Думаю, в итоге решение оказалось правильным. Не представляю, насколько хорошо бы я проявил себя в профессиональном хоккее в восемнадцать, по крайней мере, если судить по моему детскому поведению после матча на мировом турнире. К счастью, меня взяли в драфт, несмотря на тот случай. Права на меня принадлежат «Даллас Старз»²⁵, и я с нетерпением жду, когда буду играть за них после выпуска.

Оказывается, «Даллас» – еще и причина этого звонка.

– Слушай, вчера вечером я поговорил с Хулио Вегей. Он был на турнире по гольфу, где играла команда. После церемонии награждения он отвел меня в сторонку, и вот тут-то всплыло твое имя.

Я застываю.

– Что он сказал?

Оуэн молчит.

– Что? – давлю я.

²⁵ Профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Клуб базируется в городе Даллас, штат Техас, США.

– Он упомянул мировой чемпионат. Специально отметил, что начальство за тобой следит.

Я морщусь.

Вот же черт. Отвратительные новости. Хулио Вега – новый генеральный менеджер «Далласа». Недавно у них произошли кое-какие изменения, и пару недель назад мы с ним разговаривали по телефону. Мне показалось, все прошло хорошо, но, видимо, моя выходка на молодежном чемпионате будет преследовать меня до конца жизни.

Я вздыхаю.

– Мне это дерьмо вечно будут припоминать, старик. А хуже всего то, что я никогда не выхожу из себя. Ты-то знаешь.

– Поверь мне, знаю, – усмехается Оуэн. – Ты, как айсберг, до последнего хранишь хладнокровие. Кляйн, должно быть, здорово черту перешел, раз ты так разбушевался...

Майкл Кляйн – сокомандник, которому я сломал челюсть на молодежном чемпионате. Ему потом делали шинирование.

Вот только я никому не сказал, что он ляпнул в раздевалке, и не собираюсь.

– Знаю, знаю, – продолжает Оуэн, не дождавшись от меня ответа. – Все это в прошлом, а потому не подлежит обсуждению.

Оуэн вечно подкалывает меня за фразу «все это в прошлом» – я обычно именно так отвечаю, когда из меня пытаются выудить то, о чем я говорить не хочу. Женщин это особенно бесит. А еще тех, кто не успел в жизни хлебнуть горя: они просто не в состоянии понять, почему некоторые двери я предпочитаю захлопнуть и запереть навсегда.

Конкретно за этой дверью нет ничего, кроме мрака и боли. Кто захочет снова добровольно лезть в такую грязь? Да и зачем – снова перемалывать опилки? Уж лучше пусть эта дверь в прошлое остается закрытой.

– В общем, хотел тебя предупредить, – говорит Оуэн. – Я же обещал, что буду смотреть в оба.

– Спасибо, я правда очень это ценю, – вздыхаю я и перевожу тему. – Ты, наверное, ждешь новый сезон?

– И не говори. Не могу дождаться возвращения на лед. А ты как? В Брайаре все нормально?

– Ни хрена. Тренировочный лагерь – просто отстой. Сплошная пассивная агрессия, а иногда – и просто агрессия. Ни разу не пассивная. На этой неделе на тренировку явился Гаррет Грэхем, и, разумеется, в тот единственный день, когда я опоздал.

– Опоздал? – удивленно переспрашивает Оуэн. – На тебя непохоже.

– Джип сдох. Коробка передач меня все-таки подвела, так что теперь он стоит в гараже в Гастингсе, потому что денег у меня нет. Приходится просить Шейна поработать шофером.

– Я переведу тебе деньги.

– Не надо, – начинаю возражать я.

– Брат, я же показывал тебе свой контракт. Я могу себе это позволить. Кроме того, я инвестирую в будущее талантливого игрока. Не могу же я позволить своему протеже опаздывать на тренировку.

Спорить с ним бесполезно: Оуэн еще упрямее меня.

– Ты не обязан, правда, но я тебе очень благодарен. Я все верну.

– Мне это не нужно.

Дверь позади меня отъезжает в сторону.

– Чувак, – зовет Шейн, – давай-ка внутрь. Быстро.

– Мне надо идти, – говорю я Оуэну. – Что-то случилось.

– Ладно, будем на связи.

– Ага, до скорого.

Я захожу в дом и понимаю, что, пока я висел на телефоне, нам на почту пришло письмо от Дженсена.

В гостиной к этому моменту стало многолюдно: явился Ник Латтимор с девушкой, Дарби и братья Хоули. Раньше я думал, что Рэнд повсюду таскает с собой младшего брата, а потом сообразил, что на самом деле это Мейсон повсюду увязывается за ним, чтобы присматривать за старшим братцем.

Судя по триумфально сверкающим глазам Рэнда, новости хорошие.

Шейн начинает зачитывать имена, и, услышав, что оба моих лучших друга вошли в список, я облегченно вздыхаю. Черт, ну конечно, они вошли. Дженсен показал бы себя идиотом, реши он оставить в стороне такого надежного защитника, как Беккетт, и такого мощного правого нападающего, как Шейн. Рэнд, Мейсон и Ник тоже попали в команду, а мы с Колсоном получили звание официальных капитанов – даже не временных.

– Старик, мы победили! – сообщает Рэнд.

Я хмурюсь:

– Что значит *победили*?

– Я про стартовый состав. В списке наших одиннадцать, а их – девять.

Шейн, склонив голову, все еще просматривает список.

– В стартовом составе – да. Но в итоге в команду вошло около шестидесяти процентов нынешних игроков «Брайара» и сорок процентов «Иствуда».

– Чувак, да какая разница, кто там полирует скамейку запасных? – возражает Рэнд. – На льду будет главенствовать «Иствуд», остальное значения не имеет. Верно, Райдер?

Я пожимаю плечами, изучая список на экране телефона. Дженсен во всем поступил правильно. Куда ни посмотри – повсюду отличный, надежный выбор. И уже то, что в стартовом составе наших ребят больше, доказывает, что любимчиков у него нет.

– Уверяю вас, *кое-кого* очень даже волнует, кто полирует скамейку запасных, – кривится девица Шейна, Кара, тоже примкнув к беседе. – Они сейчас, наверное, просто в бешенстве. Да еще и момент ужасный – список прислали прямо посреди прощальной вечеринки Миллера. Жесть.

– Миллера? – непонимающе откликается Рэнд.

– Миллер Шулик. Ну, который переводится. – Она почти смеется. – Знаешь, они ведь живут домов через пять от вас.

– Да вы, на хрен, шутите. Вы с ними соседи? – Вид у Рэнда такой, будто он только что выяснил, что на нашей улице случилась вспышка герпеса.

– Я понятия не имел, – признается Шейн.

– Кейс, Миллер и Джордан живут в доме на углу, в конце улицы, – объявляет Кара. – Точнее, Миллер уже не живет. В воскресенье он уезжает.

– А ты откуда все это знаешь? – встает в позу Рэнд.

– Я раньше встречалась с Джорданом.

– С Трагером? – шокированно уточняет он, и Кара кивает.

– С этим куском дерьма? Да что с тобой не так?

В ответ она смотрит на Рэнда.

– Ого. Ну ты и сволочь.

Он ее ремарку благополучно игнорирует.

Впрочем, Кара права. Этот парень – мудака каких поискать.

Что он тут же и подтверждает.

– Думаю, надо пойти туда! – радостно предлагает Рэнд.

– Да ладно тебе, старик, – подает голос Ник. Вид у него раздраженный. – Мы не пойдем к ним домой, только чтобы позлорадствовать.

– Да, это как-то жестоко, – соглашается его девушка.

К моему удивлению, у Беккетта мнение совершенно другое.

– А может, не такая уж плохая идея.

– Seriously? – изумленно спрашивает Шейн. – Ты правда хочешь пойти позлорадствовать?

– Нет, понятно, что я не это имел в виду, – закатывает глаза Беккетт. – Я о другом. Может, стоит пойти с предложением мира. Принести им ящик пива или еще что. Попрошиться с Миллером. Это ведь паршиво, что он переводится.

– Да ты только на вечеринку хочешь, – обвиняет его Шейн.

Наш друг улыбается.

– Не без этого, – он поглядывает на Кару. – Все говорят, вечеринки в Брайаре потрясающие, но что-то пока не видно.

– Еще даже занятия не начались, – оправдывается она. – Грик-Роу сейчас практически город-призрак. Поверь мне: как только все вернутся в кампус, ты получишь доказательства.

– Что ж, а пока предлагаю пройтись по улице и предложить оливковую ветвь в виде выпивки и травки, – подытоживает Беккетт.

Все поворачиваются ко мне. Как-то странно ощущается эта непрошенная корона, водруженная ими мне на голову.

– Я не собираюсь принимать за вас решения, придурки, – раздраженно напоминаю я, и Дарби восторженно смеется.

Рэнд уже пишет нашим сокомандникам.

– Я соберу остальных.

Конечно.

Такая, вашу мать, замечательная идея.

Глава двенадцатая
Джиджи
Дорогуша, ты играешь в хоккей за «Брайар»

Миллер Шулик сжимает меня в объятиях, прижавшись лбом к моему плечу.

– Я буду по тебе скучать, Джи.

Мы с ним пристроились на краешке дивана в гостиной, а вокруг бушует вечеринка. Точнее, до стадии бушевания она еще не дошла – Трагер до сих пор в рубашке. Как только он ее сорвет (издавая при этом жуткие вопли и поколачивая себя в грудь, как Тарзан), значит, пора по домам – именно так все обычно и происходит.

Впрочем, может сегодня все закончится по-другому. Электронная рассылка Чада Дженсена успела омрачить настрой. Последние сорок минут большинство парней исходят желчью насчет итогового состава команды. Как минимум десять человек в него не вошли, и некоторые из них так расстроились, что ушли. Обняли Миллера на прощание и мрачно побрели прочь с вечеринки. Я им сочувствую.

У противоположной стены стоит Кейс в компании Уитни. В руке у него пластиковый стаканчик разбавленного бочкового пива, и он потихоньку его поцеживает, пока Уитни о чем-то болтает. Взгляд голубых глаз то и дело устремляется в моем направлении.

– Ох, я тоже буду по тебе скучать, Шу. Ты уверен насчет Миннесоты? – мне приходится кричать ему прямо в ухо, иначе он ничего не услышит поверх ревающего из колонок рока.

– В прошлом году они выиграли «Замороженную четверку». Конечно, уверен. – Он с грустью пожимает плечами. – Кроме того, перемены к лучшему. Мне правда хочется начать все с чистого листа.

Меня всегда восхищало умение Миллера адаптироваться к любой ситуации. Сама я не люблю перемены и предпочитаю стабильность. Привыкнув к месту, человеку или образу жизни, я чувствую себя настолько комфортно, что с удовольствием целую вечность ничего бы не меняла.

Вот только так не бывает, и меня это страшно злит.

– Джи, давай, выпей с нами, – зовет Кейс.

Миллер тянет меня за руку с дивана.

– Пойдем. Мне надо долить, а тебе – налить. – Он многозначительно поглядывает на свой пустой стаканчик, потом на мои пустые руки, и я ухмыляюсь в ответ.

Нам удастся избежать столкновения с четырьмя его сокомандниками, ввалившимися в комнату, – от них несет травкой. Вечеринка наполовину проводится в доме, наполовину – на улице. В начале вечера, когда мы еще сидели снаружи, меня просто поразило, сколько там было косяков. Хотя, наверное, в эти выходные парни могут расслабиться, учитывая, какую недельку им устроил Дженсен.

При нашем приближении Кейс резко отворачивается, и сначала я думаю, что он намеренно встал ко мне спиной, а потом осознаю, что у входа в дом началась какая-то движуха. Трагер с кем-то спорит.

Мы с Миллером переглядываемся.

– Не нравится мне это, – вздыхает он.

Выхожу за ним в коридор, а там... да, мне это тоже совершенно не нравится. На крыльце столпились хоккеисты, а именно – хоккеисты из «Иствуда». Беккетт Данн – красавчик-блондин, которого Камила, пуская слюни, сталкерит в соцсетях с тех самых пор, как увидела на тренировке, – держит ящик с двадцатью четырьмя бутылками местного лагеря.

Кто-то успеваешь выключить музыку, так что теперь я слышу каждое слово.

– Seriously, мы пришли с миром, – восклицает Беккетт, и взгляд серых глаз совершенно искренний.

– Так заберите свой мир и проваливайте отсюда на хрен, – огрызается Трагер.

– Расслабься, – встречается Кейс, положив руку Трагеру на плечо. Он подходит ближе к вновь прибывшим, настороженно кивает им. – Привет. Как дела?

Я пытаюсь разглядеть, кто там стоит за широкоплечим Беккеттом, кто еще решил так беспардонно заявиться на вечеринку. Не знаю почему, но удается разглядеть только Райдера. Хотела бы я знать, что он обо всем этом думает, раз уж он у них главный. Искоса посматриваю на него. Он стоит на крыльце, у самых перил, и вид у него скучающий. Так и должно быть.

– Как я уже сказал твоему парню, мы принесли оливковую ветвь, – сообщает Кейсу Беккетт.

– Как я уже сказал, отвалите, – рычит Трагер.

Вперед выходит Шейн Линдли, и происходящее явно начинает его раздражать. На этой неделе я изучила ребят из «Иствуда» и начала узнавать их в лицо. Линдли высокий, темноволосяй и привлекательный, Данн – высокий, светловолосый и не менее привлекательный.

– Слушайте, парни, мы знаем, что вы видели список. Мы здесь, потому что дальше надо двигаться вместе, мы должны стать одной командой, понимаете? Не знаю, как принято у вас в «Брайаре», но в «Иствуде» мы побеждали командой, проигрывали командой и праздновали командой.

– Здесь то же самое, – неохотно соглашается Кейс.

– Да ладно, Кей, – встречается мрачный Трагер. – Не будем же мы тусоваться с этими чуваками. – Он едва достаивает взглядом нарушителей спокойствия. – Они обошли нас в стартовом составе.

– А вы обошли нас в общей сложности, – огрызается кто-то из иствудских парней.

Присмотревшись, понимаю, что как раз с ним Джордан подрался в первый же день лагеря. Зовут его, кажется, Рэнд, и что-то мне подсказывает, что он – такая иствудская версия Джордана. Такая же грубая ухмылка. Такие же алые от гнева щеки. Он, как и Трагер, напоминает раскаленный добела провод, готовый взорваться в любой момент.

– Это не считается, – бормочет Трагер. – Вы украли наши чертовы места.

– Знаете что? – теперь и Линдли становится скучно. – Проехали. Приятного вечера, дамы.

– Нет, подождите, – окликает их Кейс. – Заходите уже. Выпивки на всех хватит.

Я всеми силами пытаюсь скрыть удивление, а Уитни восторженно наблюдает, как не меньше восьми новых игроков входят в дом.

– Должно быть весело, – бормочет она.

Райдер идет последним. На нем джинсы и серое худи, а лицо ничего не выражает, хотя синие глаза изучают все вокруг. Уверена, он четко осознает все происходящее. Он, конечно, не оголенный провод, как его сокомандники, но всегда держится наготове.

– Жизель, – тянет он, кивая мне.

Кейс шурится.

– Не наглей, – предупреждает он Райдера.

Тот только усмехается и проходит мимо него по направлению к кухне. Я настороженно поглядываю на Кейса.

– Уверен, что это хорошая идея?

– Видимо, скоро выясним.

Восемью игроками дело не ограничивается. Со временем подтягиваются и другие парни из «Иствуда», а с ними – несколько моих сокомандниц. Камила приходит в облегающем красном платье и в компании какого-то парня из баскетбольной команды. Сообразив, что здесь Беккетт Данн, а она не может пофлиртовать с ним в присутствии своего кавалера, она тотчас же надувает губы.

Я пишу Диане и Мии – узнать, не хотят ли они прийти. У Мии другие планы. Диана отказывается, потому что смотрит «Интрижка или судьба», а еще она только что сделала маску из горохового пюре с углем – видимо, новая косметическая процедура. Подумав, решаю ничего не говорить насчет угля и гороха. Мне многое нравится в Диане, в том числе – ее умение наслаждаться собственной компанией. В наше время такое редко случается.

Потягивая водянистое пиво, болтаю с Миллером и Уитни, но сама держусь настороже. Вся эта ситуация не внушает мне доверия. Целую неделю эти парни дрались за места в команде. Эхо неприязни так и витает в воздухе, будто радиационное облако после взрыва ядерной бомбы. Даже когда они пьют, танцуют и передают друг другу косяки, четко чувствуется раздел между двумя группировками.

Как минимум два часа все спокойно. Когда в доме становится слишком душно, я выхожу во двор подышать. Несмотря на отсутствие разрешения, кто-то разжег на самом краю двора костер – явно ближе к ограде, чем следует. Если бы моя мама его увидела, у нее бы сердечный приступ случился.

Едва меняется направление ветра, меня внезапно окатывает волной дыма, да так, что глаза слезятся. Я принимаюсь пятиться назад и врезаюсь в твердую стену.

Удивленно поворачиваюсь и тут же понимаю, что пресловутая стена – на самом деле грудь Райдера. Господи боже. Этот парень из одних мышц состоит.

– Извини.

– Да ничего страшного. – Он указывает на стоящего рядом с ним парня. – Ты ведь знакома с Шейном?

– Официально нет, – протягиваю руку. – Я Джиджи.

Рукопожатие с Шейном несколько затягивается, и взгляд у него становится томным.

– Сокращение от «Жизель», верно?

Я отдергиваю руку и сердито поглядываю на Райдера.

– Вообще-то нет. Нет и еще раз нет. Просто вот этот король выпускного – настоящий кретин.

Шейн хохочет.

– Вы только посмотрите, – тербит он своего друга. – У вас уже личные шутки есть. Просто очаровательно!

Райдер сверлит его взглядом.

– Линдли! – кричит кто-то от костра. – Дай зажигалку!

– А, мне пора, – жизнерадостно восклицает он и подмигивает мне. – Рад знакомству, Жизель.

– Посмотри, что ты натворил, – поворачиваюсь я к Райдеру. – Все твоя вина!

– Никак не могу поверить, что твое имя не сокращение, – пожимает плечами он.

– Не сокращение, правда. Это все папина заслуга. Он меня так назвал. Мама выбирала имя моему брату, и вот она-то выбрала нормальное.

Несколько секунд Райдер молча наблюдает за пламенем красно-рыжих искр. Потом смотрит на меня.

– Ждешь нашего тайного занятия завтра?

– Зачем ты все опошляешь?

– Я вообще ничего подобного не делаю. Думаю, проблема в тебе.

Господи, может, он и прав. Еще недавно я валялась на ковре и страдала, а теперь мой мозг настроен на секс – двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Вчера вечером я довела себя до разрядки дважды, пока смотрела, как парочка из «Интрижка или судьба» трахается в Сахарном номере. Дурацкие реалити-шоу с дурацкими красавчиками и их лоснящимися телами.

Не знаю, что заставляет меня остаться с Райдером. Я могла бы уйти, присоединиться к Кейсу с Миллером, головы которых видны в кухонном окне. Могла бы найти Уитни и Ками, которых поглотила вечеринка.

Но все-таки я остаюсь снаружи – смотреть на огонь вместе с Райдером.

– Эта гребаная штука пожароопасна, – замечает он, критически оглядывая костровую яму. – Один порыв ветра, и вся изгородь загорится.

– Ты прямо как моя мама. Она как-то посмотрела сериал про пожарных по телевизору и теперь постоянно твердит о пожарной безопасности. Папа считает, что это «мило». – Я сгибаю пальцы, изображая кавычки. – Мы с братом считаем, что так и рехнуться можно. Она купила складную канатную лестницу, достающую до верхнего этажа нашего дома, – «на всякий случай». К ней прилагается корзина для домашних животных, с помощью которой можно спустить собак на землю. Я ей и говорю: мам, Коротышка и Бержерон²⁶ ни за что добровольно не сядут в эту штуковину. Если что, лучше попробуй забросить их из окна прямо в бассейн.

Райдер тарашится на меня.

– Что?

– У тебя собак правда зовут Коротышка и Бержерон?

²⁶ Патрис Бержерон-Клири – канадский хоккеист, центральный нападающий и капитан клуба Национальной хоккейной лиги «Бостон Брюинз». В составе сборной Канады становился олимпийским чемпионом в 2010 и 2014 годах, чемпионом мира в 2004 году. Обладатель Кубка Стэнли. Член «тройного золотого клуба».

– Да. Тебя что-то не устраивает?

– В некотором смысле.

Я только закатываю глаза.

– Обсуди это с моим отцом. Мы уже определились, что имена он выбирать не умеет.

– К слову, об этом... Как продвигается моя рекламная кампания?

– Мы с ним сегодня еще не разговаривали, но не переживай, в следующий раз непременно осыплю тебя комплиментами.

От костра доносится громкий смех, и, присмотревшись к тому, что там происходит, я с изумлением понимаю, что кое-кому хватило храбрости преодолеть невидимый рубеж между «Иствудом» и «Брайаром». Смельчаком оказался не кто иной, как Уилл, который теперь расслабляется в компании Шейна, Беккетта и еще двух парней, которых я не знаю по именам. Он фыркает в ответ на какую-то реплику Шейна, но добродушие и веселье длятся недолго. Уилл еще смеется, а кто-то из друзей уже оттаскивает его от иствудских игроков.

Райдер это тоже заметил и теперь ворчит себе под нос.

– И как все это должно разрешиться, капитан? – подначиваю я, не в силах удержаться. – Такое ощущение, что у вас тут патовая ситуация. Никто не собирается уступить.

– Вы уступаете, – замечает он.

– Я к этому вообще отношения не имею.

– Конечно, имеешь. Ты играешь в хоккей за «Брайар».

– Дорогуша, *ты* играешь в хоккей за «Брайар».

Он кривится.

Меня это просто в восторг приводит.

– А-а-а, тебе ненавистно такое слышать, да? – посмеиваюсь я. – Меня прямо-таки утешает знание того, как тебе здесь плохо. Кстати, а почему ты не перевелся?

Ответить он не успевает. Из открытых задних дверей дома доносятся громкие крики.

Ну конечно.

Что-то подобное должно было случиться. Странно, что только сейчас, а не раньше.

Вбежав внутрь, застаю кулачный бой в полном разгаре, прямо посреди комнаты. Дерутся Трагер и тот парень, Рэнд, кто же еще. Сцепились они не на шутку, и снова никто не пытается их разнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.